

176

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

ЧТЕНІЯ

ДЛЯ

МОСКОВСКИХЪ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХЪ РАБОЧИХЪ

II выпускъ.

В. Назаревскаго.

Издание комиссіи по устройству общеобразовательныхъ чтеній для фабрично-заводскихъ рабочихъ города Москвы.

МОСКВА.

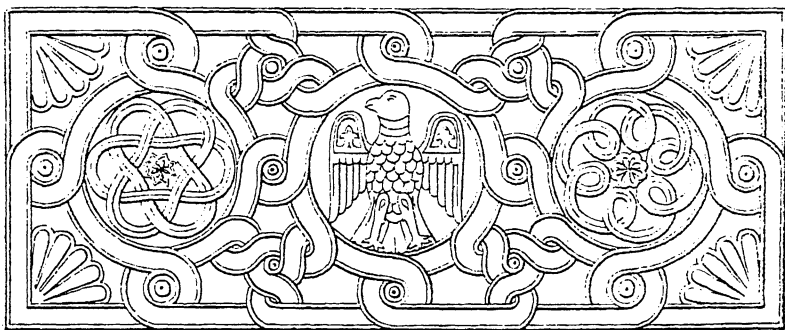
Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1902.

Дозволено цензурою. Москва, декабря 11 дня 1902 года.

2004175436

І.

Смерть Св. Бориса и Глѣба.—Борьба Ярослава съ Свѣтополкомъ Окаяннымъ и Мстиславомъ.—Единодержавное правленіе Ярослава: строеніе городовъ и храмовъ; его заботы о книжномъ и школьномъ просвѣщеніи Руси; „Русская правда“, брачныя союзы его семьи съ европейскими государями. Смерть Ярослава Мудраго и его завѣщаніе сыновьямъ.

ладиміръ Равноапостольный свято почилъ 15 іюля 1015 года. Съ его смертію, какъ и со смертію его отца, опять прервалось на Руси единодержавіе, и снова начались усобицы, противныя и государственному началу и несовмѣстныя съ принятой при Св. Владиміръ вѣрою Христовой. Опять въ междоусобиі пролилась кровь русская, и много разъ будетъ литься она, пока окончательно не утвердится въ Москвѣ единодержавіе, полагающее предѣлъ дробленію Руси между членами княжескаго рода на особыя удѣльныя княжества.

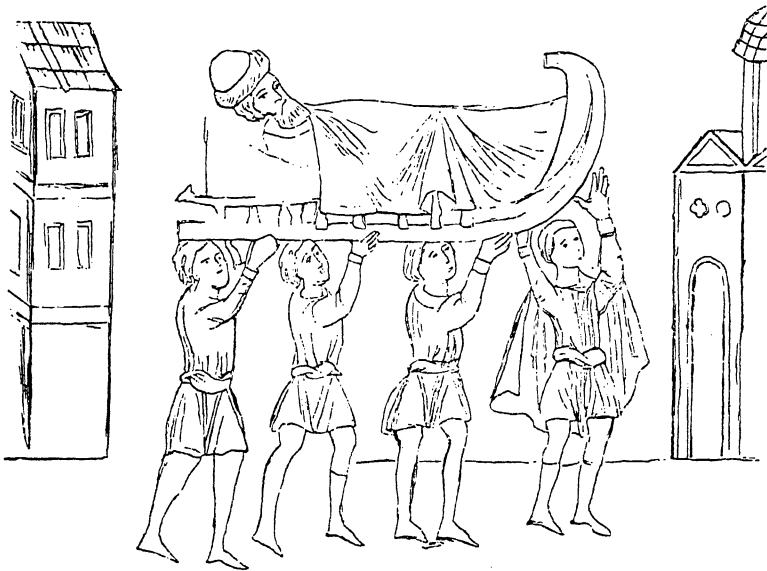
Послѣ Владиміра Св. остались 12 сыновей. Старшій изъ нихъ Свѣтополкъ, рожденный еще въ язычествѣ и женатый на дочери Польскаго короля Болеслава Храбраго, не былъ любимъ своимъ отцомъ. При его жизни, князя въ Туровѣ, въ землѣ Волынской, онъ держалъ у себя папскаго епископа и подъ вліяніемъ своего тестя питалъ враждебныя замыслы противъ отца своего. Но Владиміръ, узнавъ объ этомъ, заключилъ его въ темницу,

вмѣстѣ съ женой и епископомъ католическимъ. Правда, онъ скоро былъ освобожденъ, но не снискалъ любви народной въ землѣ Кіевской. Когда скончался Владиміръ въ Берестовѣ, ближніе его бояре послали вѣсть объ этомъ не Святополку, а любимому сыну Владиміра Борису Ростовскому, родившемуся уже въ христіанскомъ бракѣ. Тотъ въ это время возвращался изъ похода на печенѣговъ. Провѣдавшій о смерти отца Святополкъ прискакалъ въ Кіевъ, сѣлъ на столѣ великокняжескомъ и сталъ раздавать кіевлянамъ подарки, но „сердце ихъ, по словамъ лѣтописца, не было съ Святополкомъ“. Чувствуя, что онъ непрочно сидитъ на столѣ отца своего, онъ рѣшается истребить своихъ братьевъ, какъ то дѣлалось въ это время и въ другихъ земляхъ, чтобы одному властвовать на Руси. Первой жертвой своего братоубійства онъ намѣтилъ Бориса, какъ любимца отца и народа. По словамъ лѣтописца, Святополкъ ночью приходитъ въ Вышгородъ и тайно призываетъ къ себѣ какого-то Путшу и вышгородскихъ бояръ Ленка, Еловита и Талька и спрашиваетъ ихъ: „привержены ли они ему всѣмъ сердцемъ?“ Путша отвѣчаетъ: „можемъ головы за тебя сложить“. Святополкъ велѣлъ имъ, не говоря никому ни слова, убить брата Бориса.

Совсѣмъ не то было съ этимъ благовѣрнымъ княземъ: дружина Владиміра, бывшая съ Борисомъ, уговаривала его, когда онъ плакалъ по отцѣ своемъ, идти на столѣ кіевскій, но тотъ сказалъ: „не подниму руки на брата моего старѣйшаго и буду чтить его во отца мѣсто“. Дружина, не желая служить князю удѣльному, покинула его, а убійцы Святополковы пришли къ нему, когда онъ съ ближними людьми своими раскинулъ шатеръ на берегу рѣки Альты. Въ ночь, съ субботы на воскресенье, набожный князь въ шатрѣ своемъ слушалъ и самъ пѣлъ утреню и горячо молился. Убійцы ворвались въ

шатерь и пронзили Бориса копьями. Отрокъ его Георгій бросился было укрыть его своимъ тѣломъ, но тоже былъ израненъ. Умирающій князь молилъ Бога, чтобы Онъ простилъ его убійцъ. Израненнаго обернули въ полотно его палатки положили и повезли на телѣгахъ; а замѣтивъ въ немъ признаки жизни, докончили его мечемъ.

Глѣбъ, одной матери съ Борисомъ, находился въ то время въ своемъ удѣлѣ Муромскомъ. Святополкъ послалъ сказать ему, что больной отецъ зоветъ его къ себѣ.

Похороны св. Бориса, въ Житіи XIV вѣка.

Сбѣвъ на-конь, онъ добрался до Смоленска, а отсюда въ лодкѣ поплылъ по Днѣпру къ Кіеву, но былъ настигнутъ убійцами, которые тоже плыли въ лодкѣ; они перепрыгнули въ княжью лодку, а его спутники оробѣли; какой-то Горясѣръ велѣлъ повару Глѣбову зарѣзать князя. Эти два брата были причислены церковью къ лику святыхъ мучениковъ и почитались особыми молитвенниками за княжескій родъ Св. Владиміра. Убитъ былъ, по приказанію Святополка, и третій его братъ Свя-

тославъ Волынскій, когда онъ бѣжалъ чрезъ Приднѣпровскую землю въ Венгрію.

Ярославъ, княжившій въ Новгородѣ, получилъ отъ сестры своей Предславы изъ Кіева вѣсть объ убіеніи Бориса и Глѣба. Новгородцы любившіе Ярослава. хотя онъ за какое-то убійство велѣлъ перебить многихъ изъ нихъ, сказали ему: „не печалься, княже, мы стоимъ за тебя, поколѣ мочи нашей хватить“, и собрали 40,000 воиновъ. Ярославъ присоединилъ къ нимъ 1,000 варяговъ, и, призвавъ имя Божіе, сказалъ: „не я почать избивать братью, а Святополкъ, да будетъ Богъ отмститель крови моихъ братьевъ. Онъ безъ вины пролилъ ихъ кровь; не ждате же мнѣ, чтобы и со мной сдѣлалъ тоже“.

Святополкъ тоже собралъ большое войско изъ русскихъ и печенѣговъ. Встрѣча обоихъ произошла на Днѣпрѣ у Любеча, но ни Святополкъ, ни Ярославъ долго не рѣшались переправиться чрезъ рѣку. Однажды Святополковъ воевода Волчій Хвостъ, разъѣжая по рѣкѣ въ лодкѣ, сталъ кричать новгородцамъ: „ой, вы. плотники! зачѣмъ пришли съ своимъ хромымъ княземъ? Вотъ мы заставимъ васъ рубить себѣ хоромы“. Оскорбленные новгородцы рѣшились на разсвѣтѣ перевестись чрезъ Днѣпръ; а Святополкъ, не ожидая нападенія, всю ночь пилъ съ своею дружиной. Были уже заморозки. Переправившіеся воины, чтобы отрѣзати себѣ отступленіе, оттолкнули лодки отъ берега и, перевязавъ головы бѣлыми платками, чтобы отличить своихъ отъ чужихъ, начали злую сѣчу. Они не дали времени печенѣгамъ, стоявшимъ за озеромъ, подать Святополку помощь и, притиснувъ его дружину къ озеру, принудили ее вступить на ледъ, который подъ нею провалился. Потерпѣвшій пораженіе Святополкъ бѣжалъ въ Польшу къ тестю своему королю Болеславу, а Ярославъ занялъ Кіевъ.

Болеславъ, стремившійся къ расширенію Польши, охотно пошелъ вмѣстѣ съ зятемъ въ походъ на Русь. Ярославъ съ своимъ войскомъ двинулся противъ нихъ на Волынь, и встрѣча враговъ произошла на Западномъ Бугѣ. Тутъ опять повторился обычай русскихъ дразнить враговъ. Кормилецъ и воевода Ярослава Будый, ѣздя

Русскіе воины XI вѣка.

по берегу, кричалъ указывая на тучнаго Болеслава: „вотъ мы тебѣ лучиной проколемъ твое толстое чрево“. Закипѣвъ гнѣвомъ, король польскій сказалъ своимъ: „если васъ не задѣваетъ такая обида, я одинъ погибну, и бросился на конѣ вплавъ въ Бугъ, а поляки за нимъ. Ярославъ не былъ готовъ къ бою; его войска, не выдержавъ напора, были разбиты; а кievскій князь ѡбжалъ съ немногими людьми въ Новгородъ.

Болеславъ, овладѣвъ Кіевомъ, не возвратилъ его своему зятю, а засѣлъ самъ въ немъ и развелъ своихъ поляковъ по русскимъ городамъ. Святополкъ очутился въ своемъ государствѣ подручникомъ иноземнаго властителя. Но такое поведеніе польскаго короля и его заносчивой дружины, обращавшейся съ русскими, какъ съ рабами, раздражило всю Русь. Тогда, съ согласія Святополка, русскіе начали избивать несильныхъ числомъ поляковъ. Болеславъ долженъ былъ бѣжать изъ Кіева въ Польшу, захвативъ богатство княжеское и сестеръ Ярославовыхъ; одну изъ нихъ Предславу, за которую сватался раньше, сдѣлалъ своей наложницей. Онъ захватилъ и города Червонной Руси.

Ярославъ, приготовивъ въ Новгородѣ лодки, хотѣлъ было идти за море за варягами. Но новгородцы, изрубивъ лодки, не пустили его и сказали: „будемъ и еще биться за тебя съ Болеславомъ и Святополкомъ“.

Собравъ свою дружину и нанявъ печенѣговъ, Святополкъ сталъ тоже готовиться. но безъ польской помощи, къ борьбѣ съ братомъ. Битва произошла на той самой Альтѣ, гдѣ была пролита святая кровь Бориса. Ярославъ предъ началомъ боя, поднявъ руки къ небу, такъ взмолился къ Господу: „кровь брата моего вопіетъ къ Тебѣ, Владыко! Отомсти кровь праведнаго сего, какъ мстилъ за кровь Авелеву, положивъ на Каина стenanье и трясенье“. И обращаясь къ мученикамъ братьямъ своимъ, воскликнулъ: „братья мои! Хотя вы отошли отъ насъ тѣломъ своимъ, но молитвой своей помогите мнѣ противъ этого гордаго убійцы“. Ярославъ бросился въ битву; закипѣла страшная сѣча, какой еще не было на Руси. Съ утра до вечера рати по три раза то сходились, то расходились; рубились, схватываясь съ врагами за руки; кровь ручьями текла по удолямъ; поле покрылось трупами. Только къ вечеру разбиты были войска Свя-

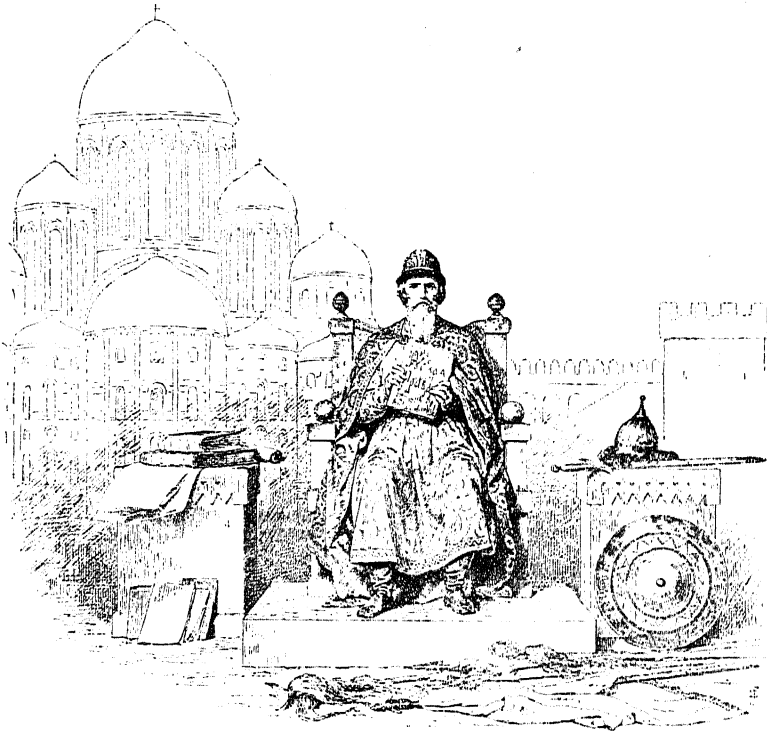
— . —

тополка, и онъ сталъ спасаться бѣгствомъ. Объятый ужасомъ, трясаясь всѣмъ тѣломъ, Святополкъ впалъ въ такое разслабленіе, что не могъ сидѣть на конѣ. Отроки несли его на носилкахъ до Берестья, или Бреста. Преслѣдуемый укорами совѣсти и видѣніями убитыхъ братьевъ, слыша все какую-то погоню за собою, Святополкъ умеръ. Онъ прозванъ былъ въ народѣ „окаяннымъ“, т. е. подобнымъ Каину.

Ярославъ сѣлъ на столъ въ Кіевѣ и, по выраженію лѣтописи, „утеръ потъ со своею дружиною“. Но скоро опять по лицу его заструились капли пота. Пришлось ему воевать съ племянникомъ своимъ Брячиславомъ Полоцкимъ, нападавшимъ на Новгородъ и уводившимъ его жителей въ полонъ. Разбитый Брячиславъ долженъ былъ помириться съ дядей.

Въ 1023 г. Ярославу пришлось выдержать болѣе сильную борьбу съ младшимъ своимъ братомъ Мстиславомъ Тмутараканскимъ (Тамань). Древнія сказанія такъ рисуютъ намъ этого князя: онъ былъ плотенъ тѣлосложеніемъ, краснолицый, съ большими глазами, отважный въ битвахъ, щедрый къ дружинѣ. Богатырская его удаля особенно памятно для народныхъ сказаній проявилась въ единоборствѣ его съ касожскимъ богатыремъ Редедѣй. Тмутараканскому князю приходилось много воевать съ прикавказскимъ воинственнымъ племенемъ касоговъ. Названный касожскій князь предъ битвою вызвалъ Мстислава на единоборство съ тѣмъ, чтобы тотъ, кто останется въ борьбѣ побѣдителемъ взялъ имущество, жену, дѣтей и землю побѣжденнаго. Мстиславъ принялъ вызовъ. Редедя былъ исполинскаго роста и необычайной силы. Началось единоборство. Мстиславъ, уже изнемогая въ борьбѣ, взмолился къ Пресвятой Богородицѣ о помощи и далъ обѣтъ построить ей храмъ въ Тмутаракани, напрягъ послѣднія свои силы, повалилъ на землю богатыря и зарѣзалъ его но-

жемъ. Касоги покорились, а Мстиславъ построилъ общанный храмъ. Память объ этомъ единоборствѣ долго жила въ народѣ и была воспѣта въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Этотъ-то богатырь — князь поднялся и на брата своего Ярослава. Кіевляне не пустили его къ себѣ, а Ярославъ съ варягами, подъ начальствомъ

Ярославъ Мудрый.

Съ рисунка профессора Исторической живописи В. П. Верещагина.

Якуна, носившаго златотканый плащъ, пошелъ на Мстислава. Встрѣча произошла въ Сѣверской землѣ у Листвена. Была ночь и страшная гроза. Бой былъ жестокий. Мстиславъ выставилъ противъ варяговъ сѣверянъ. Варяги одолѣвали сѣверянъ, но стремительный Мстиславъ кинулся на нихъ съ своею удающею дружиною. Варяги побѣжали, а Якунь потерялъ свой златотканый

плащъ. Утромъ обозрѣвая поле битвы Тмутараканскій князь говорилъ: „ну какъ этому не порадоваться: здѣсь лежатъ варягъ а тамъ сѣверянинъ, а своя дружина цѣла!“

Побѣдитель не сталъ болѣе вести войну съ братомъ. Онъ послалъ сказать Ярославу, ушедшему въ Новгородъ: „ты старѣйшій братъ, сиди въ Кіевѣ, а мнѣ будетъ лѣвая сторона Днѣпра“. Ярославъ согласился, Мстиславъ избралъ себѣ столицей Черниговъ и построилъ тамъ Спасскій соборъ и княжескій теремъ. Съ тѣхъ поръ братья жили душа въ душу и отвоевали Червонную Русь у поляковъ. Ярославъ много плѣнныхъ поляковъ поселилъ на рѣкѣ Роси. Въ 1036 году Мстиславъ, выхавшій на охоту умеръ, а Ярославъ до смерти своей оставался единодержавнымъ властителемъ всея Руси.

Ярославъ является однимъ изъ примѣчательнѣйшихъ государей Русской земли. Слава его въ то время гремѣла и во всей Европѣ.

Онъ былъ и строителемъ городовъ, и храмоздателемъ, и распространителемъ христіанства, и великимъ заботникомъ о книжномъ и школьномъ просвѣщеніи и, наконецъ, выдающимся законодателемъ.

На западной и восточной окраинахъ тогдашней Руси онъ построилъ два города, которые до нашего времени носятъ его имя. Послѣ войны своей съ эстонской чудью, въ 1030 году онъ основалъ здѣсь русскій городъ, названный, по его христіанскому имени, Юрьевымъ (послѣ нѣмцы переименовали этотъ городъ въ Дерптъ, а Императоръ Александръ III повелѣлъ именовать его по-старо-русски Юрьевымъ). Въ Суздальской землѣ, гдѣ волхвы мучили народъ во время голода, онъ основалъ другой городъ на Волгѣ, который, по языческому имени, князя названъ Ярославлемъ. Онъ расширилъ и великолѣпно обстроилъ самый стольный Кіевъ свой.

Одержавъ въ 1037 году подъ самой своей столицей большую побѣду надъ печенѣгами, послѣ которой этотъ народъ исчезъ въ землѣ русской, Ярославъ принимается за большія работы по обстройкѣ своего Кіева, соответственно могуществу своего государства, чтобы поставить свой стольный городъ вровень съ любой западно-европейской столицей того времени. До-олеговскій Кіевъ былъ малъ: ибо лѣтопись называетъ его городкомъ. Владиміръ расширилъ Кіевъ, поставивъ въ загородьи, за княжескимъ загороднымъ теремомъ, гдѣ было языческое мольбище, церкви св. Василя и Десятинную. Но Ярославъ не считалъ достаточнымъ для своей столицы такое расширение: онъ обнесъ Кіевъ (длинными крѣпостными стѣнами) обширнымъ Кремлемъ. Вслѣдствіе такой обширности Ярославовыхъ стѣнъ, лѣтопись уже называетъ Кіевъ „градомъ великимъ“, и современные иностранцы удивляются его величинѣ и прекраснымъ постройкамъ. Ни тогдашній Парижъ, ни тогдашній Лондонъ не притязали походить на древній Римъ. Но Ярославъ постарался придать своему Кіеву подобіе Цареграда. Въ этомъ послѣднемъ были золотыя ворота, соборъ Св. Софіи, Георгіевскій и Ирининскій монастыри, и славлюбивый Ярославъ строить въ Кіевѣ золотыя ворота, воздвигаетъ великолѣпный храмъ Св. Софіи и придворные монастыри Георгіевскій и Ирининскій.

Если Владиміръ св. вмѣстѣ съ христіанствомъ принесъ на Русь школьное и книжное просвѣщеніе и, создавъ и украсивъ при помощи византійскихъ зодчихъ и живописцевъ великолѣпный храмъ Десятинный и другія церкви, положилъ начало распространенію на Руси византійскаго искусства, то сынъ его Ярославъ еще шире далъ мѣсто въ своемъ государствѣ образовательному вліянію высокопросвѣщенной Византіи. Онъ первый ввелъ на Руси греческое нотное, или демественное пѣніе.

Не смотря на всѣ послѣдующіе погромы и перестройки, храмъ Св. Софіи до сихъ поръ можетъ служить прекраснымъ образцомъ византійскаго зодчества и византійской живописи на Руси и по всей Европѣ. У насъ это чуть ли не единственное зданіе XI вѣка, наиболѣе сохранившееся въ цѣлости. Особенно сильное впечатлѣ-

Изображеніе Богоматери—„Нерушимая стѣна“.

ніе производятъ мозаическія, сдѣланныя изъ цвѣтныхъ камешковъ изображенія этого собора. Такъ на алтарной стѣнѣ Св. Софіи было сдѣлано огромное изображеніе молящейся за міръ людской Богоматери, названное народомъ „Нерушимой стѣной“. Въ одномъ изъ залъ Историческаго музея, гдѣ вы слушаете эту лекцію, вы можете обстоятельно рассмотретьъ точно воспроизведенныя

мозаикою же и другіе драгоценныя образцы софійской стѣнописи. Обратите особое вниманіе на запрестольное изображеніе Тайной Вечери Спасителя, великолѣпное по исполненію. Ярославъ сдѣлать Софійскій соборъ митрополіей или митрополичьей кафедрой. Сынъ его Владиміръ построилъ Софійскій соборъ въ Новгородѣ. Лѣтописецъ говоритъ, что Кіевская Софійская церковь была извѣстна всѣмъ окружнымъ странамъ, „яко ина не обрящется во всемъ полунощи землянѣмъ“.

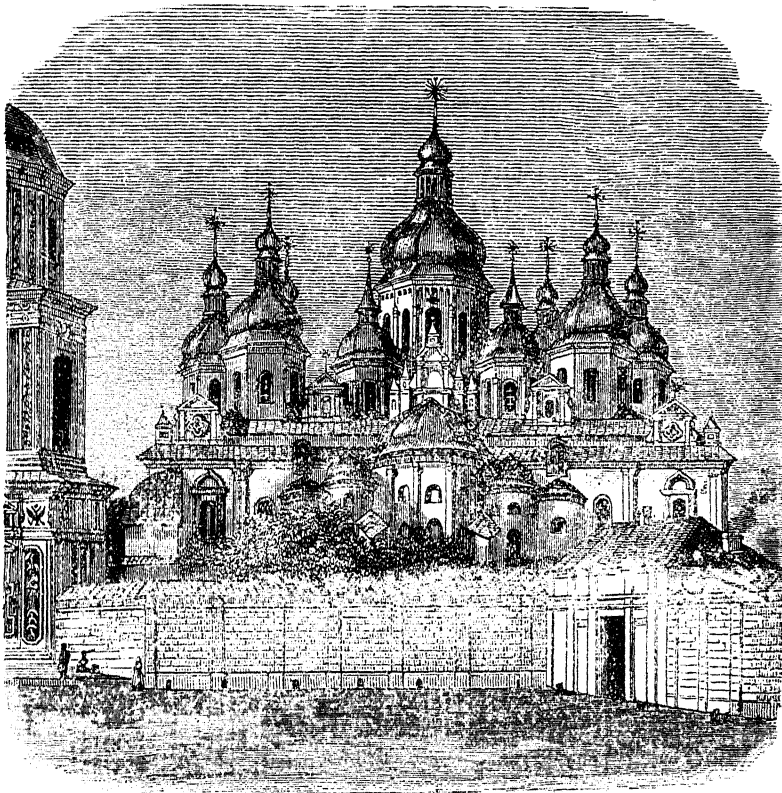
Но, пользуясь византійскимъ просвѣщеніемъ, Ярославъ вовсе не рабствовалъ предъ греками. Вѣроятно за неисполненіе ими прежнихъ договоровъ, онъ снаряжалъ, подъ начальствомъ сына своего Владиміра и воеводы Вышаты, противъ Византіи походъ, неудачно однако окончившійся; и въ пору этого размирья, не взялъ митрополита отъ грековъ, а велѣлъ своимъ епископамъ избрать первосвященителя для нашей церкви изъ русскихъ. Выборъ остановился на благоговѣйномъ и книжномъ священникѣ села Берестова Иларіонѣ. Ради молитвенныхъ и нравственныхъ подвиговъ онъ выкопалъ себѣ въ горахъ кіевскихъ ту пещеру, которая положила начало Кіево-Печерской Лаврѣ. Въ этой пещерѣ подвизался потомъ преподобный Антоній, который привлекъ сюда многихъ подражателей своему подвигу и поставилъ имъ въ игумена преподобнаго Феодосія.

Славу свою Ярославъ возвысилъ своими плодотворными заботами о началѣ Владиміромъ книжномъ и школьномъ просвѣщеніи Россіи. О дѣятельности Ярослава, въ этомъ отношеніи лѣтопись говоритъ: „и собра Ярославъ писцы многи и прекладаше отъ грекъ (переводилъ съ греческаго) на словенское письмо, и списапа книги многы.. Многи написавъ положи въ святой Софіи — юже созда самъ“.

Такимъ образомъ, Ярославъ, чего не было еще при Вла-

диміръ, не только основалъ первую библіотеку въ Россіи изъ готовыхъ лишь переписанныхъ славянскихъ книгъ, но и далъ ей при помощи ученыхъ переводчиковъ новыя книги, какихъ не имѣли и другіе славянскіе народы.

Вамъ дешево покупающимъ печатныя книги, трудно представить, какъ дороги и рѣдки были рукописныя

Софійскій Соборъ въ настоящемъ видѣ.

книги въ древнія времена. Та книга, которую вы легко купите теперь за 50 коп. или дешевле, прежде переписывалась однимъ переписчикомъ, по меньшей мѣрѣ, полгода, на дорогой, особымъ способомъ выдѣланной кожѣ или пергаментѣ. Такая книга, если она была переписана просто безъ живописныхъ миниатюръ или ри-

сунковъ, безъ орнаментовъ или украшеній, стоила въ то время, по меньшей мѣрѣ, 500 р. Двѣ или три книги могли имѣть только богачи, а библіотеки по силамъ было имѣть государямъ, или богатымъ монастырямъ, гдѣ много было своихъ переписчиковъ. Въ Западно - европейскіихъ библіотекахъ рукописныя книги переплетались въ деревянные доски, служившія крышками для книгъ; въ эти доски ввертывались металлическія кольца, и въ нихъ продѣвались цѣпи, кои прикрѣплялись къ стѣнамъ, чтобы книгу нельзя было унести изъ библіотечной комнаты.

080417170

СЛАВЬ · ВОЛОДН

Б мнрнца:—

Правда роу съскла а
 жь оу е н ть моу
 жь моу жа то мь стн
 тн е ра тоу б р а т а
 лн е оу н л ю б оу н оу

Русская Правда, по описку XIII вѣка.

Подумайте, чего же стоили тѣ книги многи, которыя положилъ Ярославъ въ библіотекѣ Св. Софіи. Большое училище завелъ Ярославъ въ Новгородѣ. Онъ собралъ тамъ у старостъ и священниковъ 300 дѣтей и отдалъ ихъ учиться книгамъ.

Великій просвѣтитель народа, Ярославъ былъ примѣчательнымъ законодателемъ Русскаго государства. Если Владиміръ составилъ, на основаніи греческихъ церковно - государственныхъ законовъ, свой церковный

уставъ, то Ярославъ составилъ сборникъ чисто русскихъ законовъ, который именуется „Русскою Правдою“. Здѣсь установлены взысканія за убійство, увѣчье, кражи, оскорбленія и проч. Ярославовы законы позволяли кровью мстить сыну, за убитаго отца, брату за брата, родичу за родственниковъ. Если не было мстителей, убійца долженъ былъ за убитаго платить князю виру или штрафъ; за раба и женщину 20 гривенъ (фунтовъ серебра), за свободного мужчину 40 гривенъ, за мужа, т. е. княжьего (боярина) 80 гривенъ.

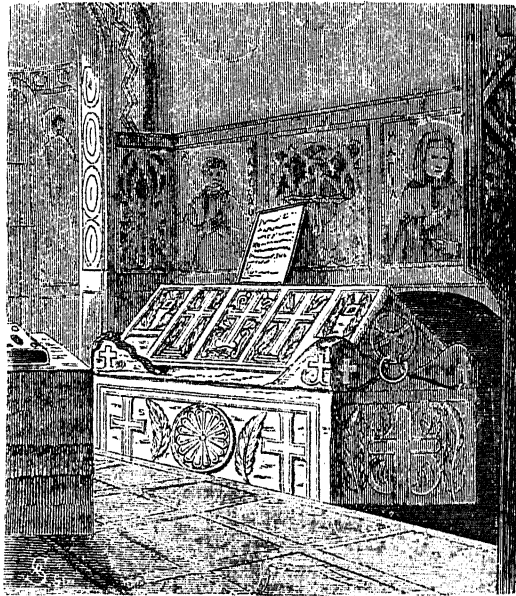
Кіевъ и сидѣвшій тамъ на златокованномъ престолѣ, князь были славны на всю тогдашнюю Европу, и почти всѣ государи считали за честь выдавать своихъ дочерей

Ярославле серебро.

за сыновей Ярослава и женить своихъ на русскихъ княжнахъ: за Всеволодомъ Ярославичемъ была замужемъ греческая царевна—дочь императора Константина Мономаха, и этотъ княжичъ говорилъ на пяти иностранныхъ языкахъ. Два другихъ его сына были женаты на германскихъ принцессахъ. Княжна Анна была выдана замужъ за короля французскаго Генриха I и, послѣ его смерти, въ малолѣтство своего сына, правила Франціей и подписывала государственные акты своей рукой:

„Regina (королева) Анна“. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, предъ поѣздкой нашего Государя Императора во Францію, французы пріѣзжали въ Кіевъ, чтобы возложить вѣнокъ на гробницу отца своей королевы — Ярослава Мудраго. Другія Ярославны были выданы за королей Польши, Венгріи и Норвегіи. Есть свѣдѣнія, что русскій княжескій домъ былъ въ родственныхъ отношеніяхъ съ королями Англіи, на что указываетъ пребываніе двухъ англійскихъ королевичей при дворѣ Ярослава.

Гробница Ярослава Мудраго.

Норвежскій принцъ Гаральдъ Гардрада (Смѣлый), въ послѣдствіи король Норвегіи, влюбился въ старшую Ярославну Елизавету и много лѣтъ домогался ея руки, но получилъ отказъ, потому что былъ изгнанникомъ изъ своей земли. Онъ служилъ и въ Ярославовой дружинѣ, и въ гвардіи Византійскаго Императора. Здѣсь онъ прославился своею храбростію въ битвахъ и завоевывалъ для Византіи города; побывалъ въ Іерусалимѣ и многихъ

другихъ городахъ въ Азіи и Африкѣ. обогатился знатной добычей и только послѣ долгихъ домогательствъ

Развалины Золотыхъ воротъ.

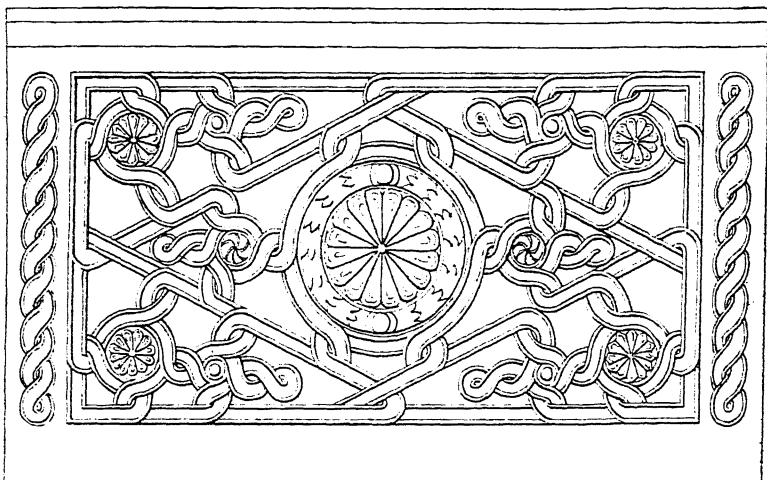
Ярославъ выдалъ за него свою дочь. Гаральдъ Смѣлый былъ поэтомъ и сложилъ пѣсню въ честь княжны Ярославны, красавицы—Русской дѣвы.

Лѣтопись говоритъ объ Ярославѣ, наименованномъ Мудрымъ: „Святой Владиміръ вспахалъ землю, умягчилъ ее крещеніемъ, а Ярославъ засѣялъ сѣменами книжнаго ученія... Отъ книгъ мы получаемъ мудрость и воздержаніе. Книги—это рѣки, напаяющія вселенную. Книгами въ печали утѣшаемся. Кто читаетъ книги, тотъ бесѣдуетъ съ Богомъ и святыми его мужами.

Ярославъ дожилъ до глубокой старости. Смерть постигла его 76 лѣтъ отъ роду недалеко отъ Кіева въ Вышгородѣ, въ февралѣ 1054 года; любимый его сынъ Всеволодъ перевезъ его тѣло на саняхъ въ Кіевъ, и оно было торжественно похоронено въ мраморномъ гробѣ въ соборѣ Св. Софійи.

Предъ смертью Ярославъ призвалъ къ себѣ сыновей и сказалъ имъ: „вотъ я отхожу отъ свѣта сего, сыновья мои. Имѣйте другъ къ другу любовь, какъ дѣти одного отца и одной матери. Если будете въ любви между собою, Богъ будетъ за васъ и покоритъ вашихъ враговъ. Если же будете ненавидѣть другъ друга и жить въ распряхъ между собой, то погибнете сами и погубите землю отцовъ своихъ и дѣдовъ, которые стяжали ее трудомъ своимъ великимъ“.

„Такъ живите же дружно, слушаясь другъ друга. Свой столъ—Кіевъ поручаю вмѣсто себя старшему сыну моему, а брату вашему Изяславу. Слушайтесь его, какъ меня слушались: да будетъ онъ вамъ во отца мѣсто. Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду—Переяславль, Игорю—Володиміръ, Вячеславу—Смоленскъ. И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла брата“. Изяславу сказалъ: „если кто будетъ обижать брата, то ты помогай обиженному. Такъ уряди Ярославъ сыны своя пребывать въ любви“.

II.

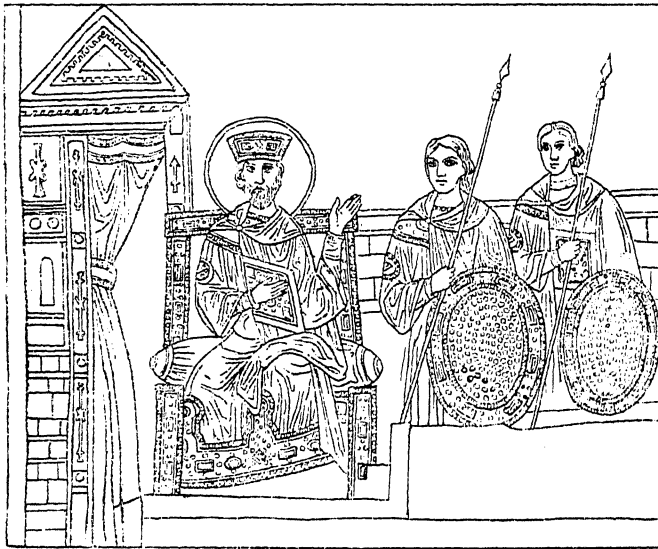
Сыновья и внуки Ярослава Мудраго.—Съѣзды князей въ Любечѣ, Витичевѣ и Долобскѣ.—Владиміръ Мономахъ, какъ образецъ южно-русскихъ князей; его „Поученіе дѣтямъ“.—Несторъ—лѣтописецъ.

о смерти Ярослава Мудраго единодержавіе не возстанавливается у насъ, до времени Московскихъ государей — собирателей Руси и долгое время господствуетъ многодержавіе сыновей, внуковъ и дальнѣйшихъ потомковъ Ярослава, владѣвшихъ особыми удѣлами или княжествами. Но удѣлы не расторгли Руси на отдѣльные государства или самостоятельныя земли. Единство Россіи поддерживалось тѣмъ, что она была общимъ владѣніемъ одного княжескаго рода Рюрика, и члены этого рода объединялись властью старшаго въ родѣ князя или великаго, который былъ по отношенію къ младшимъ, составлявшимъ одну семью, какъ бы отцомъ,—во отца мѣсто. Если же отеческая власть старшаго въ родѣ ослабѣвала, иногда даже надъ родными братьями, а еще болѣе надъ двоюродными, особенно же надъ племянниками, когда между ними начи-

нались раздѣленіе. раздоры и, наконецъ, кровавыя междоусобія. то расторженію Русской земли также мѣшали съ одной стороны церковь православная, возстававшая противъ раздоровъ и междоусобій, а съ другой сознаніе, объединившихся уже въ одно цѣлое восточныхъ славянъ, слагавшихся уже въ одинъ русскій народъ.

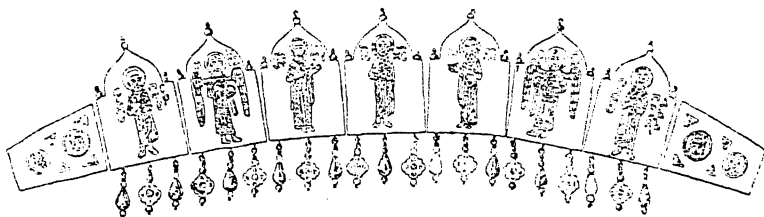
Въ Кіевскій періодъ Руси престолъ переходитъ по старшинству отъ брата къ брату, а когда умирали всѣ братья къ старшему племяннику. При этомъ всѣ князья

Князь, по Кіево-Софійской стѣнописи.

перемѣняли свои удѣлы, переходя одинъ на мѣсто другого, изъ худшаго удѣла въ лучшій. Такое переходженіе называлось лѣствичнымъ восхожденіемъ. Вершиной лѣствицы было княжество Кіево-Новгородское, ближайшей къ нему ступеню было Черниговское княжество, слѣдующею низшею было Переяславское (въ нынѣшней Полтавской губерніи), затѣмъшло Владиміро-Волынское и Смоленское и т. д. По такому лѣствичному восхожденію, когда умиралъ сидѣвшій на великомъ княжествѣ

Кіевскомъ старшій братъ, его столъ занималъ тотъ братъ, который княжилъ въ Черниговѣ, а сюда передвигался третій братъ изъ Переяславля и т. д. Это передвиженіе совершалось стройно, и князья жили между собою мирно, если между ними былъ родственный ладь, поддерживаемый нравственными отношеніями и нравственнымъ вліяніемъ старшаго въ родѣ. Но эти нравственныя отношенія не были подкрѣплены твердымъ принудительнымъ государственнымъ порядкомъ. Если надъ нравственными требованіями у родичей бралъ верхъ корыстный интересъ, а великій или старшій князь не имѣлъ сильнаго вліянія на своихъ родичей, начинались между ними споры, ссоры, переходившіе въ кровавыя усобицы: князья

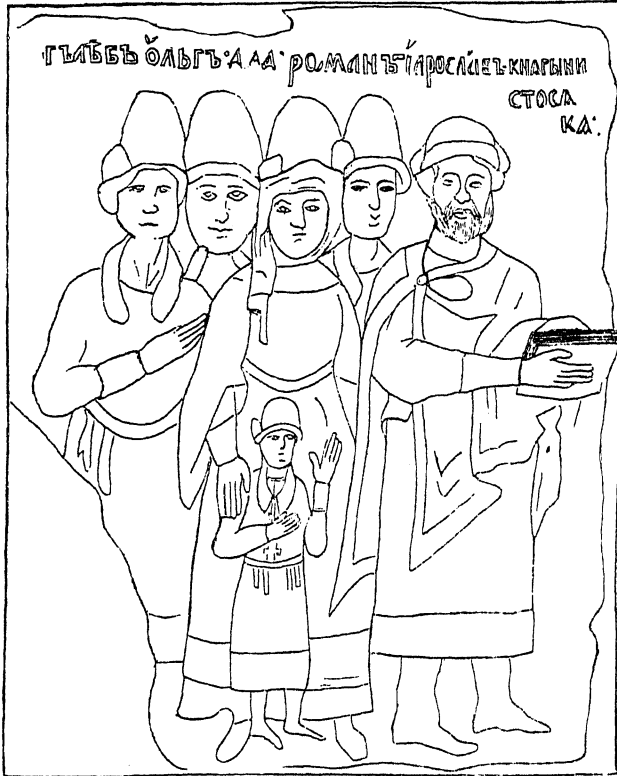

Княжескій вѣнецъ. Изъ Кіевского вѣда 1889 года.

отнимали другъ у друга удѣлы, даже сгоняли съ великокняжескаго стола того, кто былъ имъ названнымъ отцомъ или во отца мѣсто. Усобицы, какъ говоритъ лѣтопись, „несли розно Рускую землю“ и свидѣтельствуютъ о вредѣ многовластія и многодержавія и о необходимости установленія у насъ, вмѣсто власти одного рода, власти единого государя,—власти единодержца.

Уже сыновья Ярослава нарушили завѣтъ его—жить имъ въ любви, какъ дѣтямъ одного отца и одной матери, и младшимъ слушаться старшаго, какъ его самого слушались, Святославъ Черниговскій изгналъ своего старшаго брата Изяслава изъ Кіева и не по праву княжилъ тамъ до своей смерти. Утвердившійся послѣ того Изяславъ воевалъ съ своими племянниками черниговскими Свя-

тославичами. Изъ князей особенно выдѣлялся своимъ беспокойнымъ характеромъ Олегъ Святославичъ. Великій князь разбилъ его недалеко отъ Чернигова на Нежатиной нивѣ, но самъ здѣсь былъ убитъ. Этотъ Олегъ былъ прозванъ Гориславичемъ, потому что во время усобицъ приводилъ на Русскую землю новыхъ воинствен-

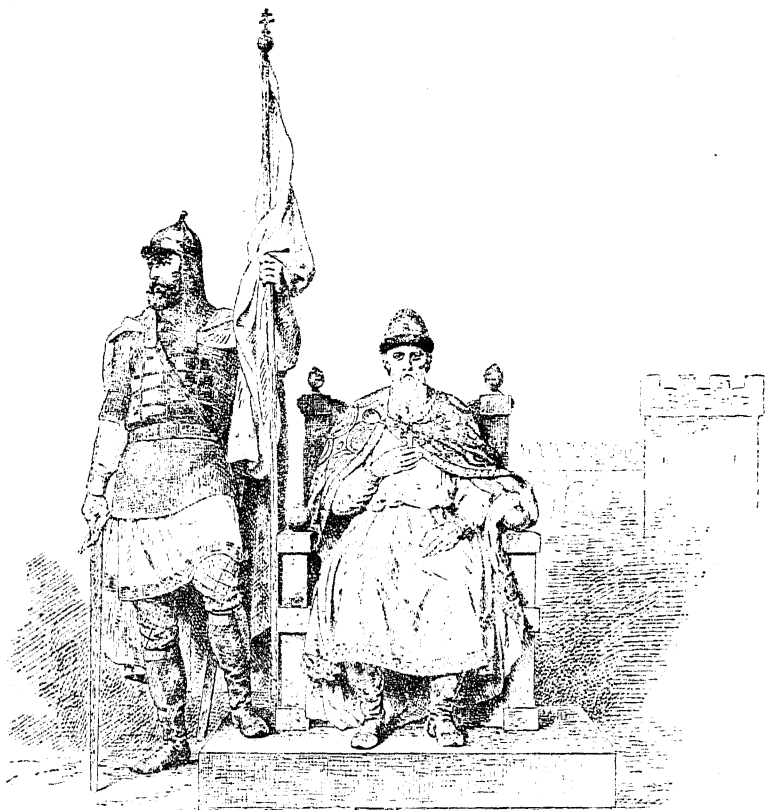

Семья Святослава въ его „Изборникѣ“.

ныхъ кочевниковъ—половцевъ, утвердившихся въ южныхъ степяхъ, гдѣ до того времени жили печенѣги.

Третій изъ братьевъ Всеволодъ, любимый отцемъ своимъ Ярославомъ *наче встатъ*, строго слѣдовалъ завѣтамъ его. Когда, онъ, послѣ смерти братьевъ своихъ, по праву достигъ высшей ступени лѣтвичнаго восхожденія, т. е. Кіевского великокняжескаго стола, въ Русской

землѣ было тишины и мира больше, чѣмъ при его братьяхъ. Ему помогать въ дѣлѣ правленія сынъ его Владиміръ. Онъ получилъ греческое прозваніе Мономаха, т. е. единоборца, въ честь своего дѣда, по матери, греческаго императора Константина Мономаха и, помо-

Всезлодъ I и его сынъ.
По рисунку В. П. Верещагина.

галъ отцу въ правленіи, пріобрѣлъ большую любовь кіевлянъ. Послѣ смерти отца, не трудно было ему остаться на велико-княжескомъ столѣ, но, чтя право старшинства, онъ уступилъ Кіевъ двоюродному брату своему Святополку II, сыну старшаго Ярославича—Изяслава и

всячески, и совѣтомъ и дѣломъ, помогаль ему въ мирѣ держать родичей и стать душою всѣхъ общерусскихъ предпріятій своего времени.

Самъ онъ былъ образцомъ миролюбія среди князей. Когда онъ княжилъ въ Черниговѣ, на него изъ Тмутаракани, вмѣстѣ съ половцами, двинулся Олегъ Святославичъ, предавая все на пути своемъ огню и опустошенію. Владиміръ послалъ сказать ему, что не хочетъ кровопролитія въ православномъ христіанствѣ и что ему жаль горящихъ кругомъ селъ и монастырей и добровольно уступилъ ему Черниговъ, а самъ ушелъ въ Переяславль. Желая окончательно замирить Олега Гориславича, онъ звалъ его къ великому князю на совѣтъ въ Кіевъ, къ гробамъ родителей. Но когда тотъ не послушался, Мономахъ вмѣстѣ съ Святополкомъ пошелъ на него войной. „Ты не идешь къ намъ на совѣтъ въ Кіевъ, ты ведешь дружбу съ заклятыми врагами—половцами, пускай же насъ съ тобою Богъ разсудить“, говорили князья. Осажденный въ Стародубѣ, онъ долженъ былъ отдаться на волю Мономахову и, лишившись Черниговской земли, ушелъ въ Муромо-Рязанскій удѣлъ. Но здѣсь онъ долженъ былъ выдержать борьбу съ своимъ племянникомъ и крестникомъ Изяславомъ Мономаховичемъ. Тотъ княжилъ въ Суздале-Ростовской землѣ и захватилъ Муромскій удѣлъ, принадлежавшій Святославичамъ, но былъ разбитъ Олегомъ и палъ въ битвѣ. Тѣло его Гориславичъ отправилъ къ его брату Мстиславу въ Новгородъ а самъ захватилъ Суздале-Ростовскую землю, заковавъ здѣсь въ цѣпи бояръ Мономаховыхъ. На него пошелъ княжившій въ Новгородѣ Мстиславъ войною. Владиміръ прислалъ сыну рать со своимъ знаменемъ; битва произошла на рѣкѣ Колокшѣ, впадающей въ Клязьму. Въ бою Олегъ увидалъ, что знамя Мономахово захо-

дять ему въ тыль и бѣжалъ. Но благородный Мстиславъ послалъ сказать бѣглецу: „ты старше меня, иди къ отцу моему и брату своему въ Кіевъ, они не лишать тебя причастія въ Русской землѣ“, т. е. удѣла въ южной Руси. Онъ обѣщалъ, что сошлется съ своимъ отцемъ и дѣйствительно писалъ къ нему: „не помяни ему смерти брата моего Изяслава: стануть они оба на судъ пе-

КІЕВЪ

ОДЕЖДЫ

и

КНЕЗНИЦА

редь самимъ Богомъ“. Великодушный Владиміръ отправилъ приводимое въ лѣтописи слѣдующее посланіе къ Олегу, ярко характеризующее духъ Мономаха и его время.

„Долго печальное мое сердце боролось съ закономъ христіанскимъ, повелѣвающимъ прощать и миловать. Богъ велить братьямъ любить другъ друга. Дерзнемъ ли отвергнуть примѣръ Божественной кротости, данный намъ

Спасителемъ? Нынѣ въ чести и славѣ. — завтра въ могилѣ, и другіе раздѣлятъ наше богатство. Попомнимъ, братья, своихъ отцовъ: что они взяли съ собою въ могилу, кромѣ добродѣтели?... Убивъ моего сына и твоего собственнаго крестника, видя кровь сего агнца, видя этотъ юный увядшій цвѣтъ, ты не пожалѣлъ о немъ; не хотѣлъ прислать и мнѣ утѣшительной грамотки; не хотѣлъ отослать ко мнѣ его вдову, мою бѣдную сноху: не далъ мнѣ поплакать вмѣстѣ съ ней о ея мужѣ, взаимѣнъ того, что я не видалъ ихъ радостнаго брака, не слышалъ ихъ веселыхъ свадебныхъ пѣсень.... Ради Бога отпусти ее, да сѣтуетъ, какъ горлица, въ дому моемъ; а меня утѣшитъ Отецъ Небесный. Не укоряю тебя безвременною кончиною сына; и славные люди находятъ смерть въ битвахъ. Онъ искалъ чужого и ввелъ меня въ стыдъ и печаль, обманутый слугами своими. Если имѣешь совѣсть, если захочешь успокоить мое сердце и съ посломъ или священникомъ напишешь ко мнѣ грамоту безо всякаго лукавства, то возьми добрымъ порядкомъ область свою обратно, и мы будемъ жить дружжелюбнѣе прежняго. Но не боязнь и не крайность заставляютъ меня говорить такъ, а совѣсть и душа, которая мнѣ всего на свѣтѣ дороже“.

По совѣту Мономаха въ 1097 году съѣхались у города Любеча, близъ Кіева, всѣ князья съ своими боярами. Совѣщанія они вели въ большомъ шатрѣ. „Зачѣмъ мы губимъ Русскую землю своими ссорами, говорили они между собой; будемъ отнынѣ заодно, и пусть каждый владѣетъ своею отчиной. Рѣшено было, чтобы Святополкъ попрежнему держалъ Кіевъ, Владиміръ Мономахъ — земли Переяславскую и Ростовскую, Олегъ и его братья Черниговскую и Муромо-Рязанскую. Давидъ Игоревичъ Владиміро-Волынскую, Ростиславичи Василько и Володаръ Червонно-Русскіе города Черемыши и Тербовль....

Князья утвердили это рѣшеніе крестнымъ цѣлованьемъ: „если и послѣ того, кто на кого встанетъ, на того пусть будетъ крестъ честный, и всѣ прочіе князья должны идти на него войною“.

Но лишь только стихла усобица изъ-за земель Чернигово-Сѣверскихъ и Муромо-Рязанскихъ, какъ закипѣла снова распря изъ-за Червонно-Русскихъ. Завистливый Давидъ Игоревичъ не хотѣлъ сосѣдить съ Ростиславичами

Княжескій сѣздъ.

Василькомъ и Володаремъ, князьями смѣлыми и энергичными. Возвратившись изъ Любеча въ Кіевъ, слабый Святотолкъ услышалъ отъ Давида коварный навѣтъ, будто Владиміръ Мономахъ и Василько Ростиславичъ, сговорившись между собою, хотятъ—одинъ завладѣть Кіевомъ, другой—Владиміромъ Волынскимъ. „Пока не схватимъ Василька ни тебѣ не княжить въ Кіевѣ, ни мнѣ во Владиміръ“. Какъ разъ въ это время, 4-го ноября, проѣзжалъ мимо стольнаго города Василько и, отуживавъ у игумена Выдубицкаго монастыря, пошелъ въ свой шатеръ. Поутру Свято-

полкъ-Михаилъ прислалъ сказать проѣзжему: „княже, не уходи отъ моихъ именинъ (8 ноября, въ день Михаила архангела)“. Тотъ отказывался, говоря, что ему нужно поспѣвать домой: ему грозитъ рать отъ поляковъ. „Смотри, говоритъ коварный Давидъ, онъ не почитаетъ тебя за старѣйшаго; а вотъ, какъ вернется домой, такъ захватить твои волости Туровъ, Пинскъ и Берестье“. Второй разъ посылалъ Святополкъ звать князя къ себѣ, хоть на короткое время. Одинъ отрокъ говорилъ Васильку: „не ходи, князь, тебя хотять схватить“. Но тотъ, сѣвъ на коня, сказалъ: „воля Господня да будетъ“, и поѣхалъ въ княжій теремъ. Въ гридницѣ велико-княжеской сидѣлъ, молча потупившись, Давидъ. Святополкъ подъ предлогомъ распорядиться о завтракѣ, вышелъ изъ палаты, а за нимъ и Давидъ. Сюда вошли воины и надѣли на князя оковы. Святополкъ передалъ боярамъ и кievскимъ старцамъ, въ чемъ обвиняють Василька; но они дали отвѣтъ уклончивый: „ты, князь, долженъ беречь свою голову; если справедливо обвиненіе, Василько подлежитъ наказанію; но, если Давидъ сказалъ неправду, пусть за нее дастъ отвѣтъ передъ Богомъ“. Игумены монастырей стали ходатайствовать за Василька. Но Давидъ, удвоивъ свои внушенія, склонилъ Святополка на ослѣпленіе неповиннаго князя. Ростиславича связаннаго повезли изъ Кіева, и остановились съ нимъ въ 10 верстахъ въ Звенигородѣ въ одной избѣ. Тутъ онъ увидалъ пастуха, родомъ торчина, точившаго ножъ; онъ понялъ, что ждетъ его, и горько заплакалъ. Вошли конюхи Святополковъ и другой—Давидовъ, разостлали коверъ и хотѣли повалить князя. Но съ нимъ и связаннымъ не могли справиться. Тогда пришли еще двое; повалили его, наложили на него доски и сѣли на нихъ; кости несчастнаго затрепали; а торчинъ вырѣзалъ ему изъ глазницъ очи. Залитый кровью князь потерялъ сознание.

Замертво повезли слѣпого на Волинь. На одномъ привалѣ въ избѣ хозяйка сняла съ него рубашку, вымыла и сухую надѣла на страдальца. Онъ очнулся и, ошупавъ ее, сказалъ: „зачѣмъ вы сняли съ меня мою окровавленную рубашку. Лучше бы въ ней я предсталъ къ Господу и позвалъ къ Нему на судъ моихъ враговъ“. Во Владимірѣ въ заключеніи сторожили бѣднаго слѣпца 30 воиновъ подъ начальствомъ двухъ отроковъ Давидовыхъ. Благородный князь, томясь въ тюрьмѣ, говорилъ: „не хотѣлъ я зла братьямъ, ни Русской землѣ, но Богъ низложилъ меня за мое высокоуміе“. Въ послѣдствіи онъ былъ освобожденъ и сталъ слѣпой водить въ битвы свои рати. Однажды Святополкъ и Василько встрѣтились въ Червонной Руси въ битвѣ на Рожнемъ полѣ. Слѣпой князь на конѣ выѣхалъ предъ своей дружиною и поднялъ крестъ въ ту сторону, гдѣ съ дружинами стоялъ Святополкъ, и громко сказалъ: „ты цѣловалъ крестъ и преступилъ крестное цѣлованье! Ты отнял у меня свѣтъ очей моихъ, а теперь и жизнь мою отнять хочешь. Крестъ Святой на тебя! Пусть насъ Богъ разсудить“. Началась битва, и Святополкъ былъ разбитъ и бѣжалъ.

Ужасомъ дрогнула Русская земля отъ совершеннаго въ Звенигородѣ злодѣянія, хотя ослѣпленіе было знакомо въ то время и Германіи и Византіи и въ славянскихъ земляхъ. Владиміръ Мономахъ зарыдалъ, услыхавъ что „межъ братьевъ брошенъ ножъ“. „Никогда такого дѣла не было въ родѣ нашемъ“, говорили и другіе князья. И Мономахъ вмѣстѣ съ Святославичами Олегомъ и Давидомъ пошелъ на Кіевъ войною. Святополкъ, оправдываясь, слагалъ вину на Давида Игоревича. „Нечего тебѣ ссылаться на Давида, говорили князья; — не въ Давидовомъ городѣ былъ взятъ и ослѣпленъ Василько. Они готовились переправиться чрезъ Днѣпръ, чтобы изгнать изъ Кіева Святополка, какъ къ нимъ явились посланцы отъ кіевлянъ

мачеха Владиміра и митрополитъ Николай. Они умоляли князей не губить Руси новою междоусобною бранью и не радовать тѣмъ половцевъ; послѣдніе придутъ и возьмутъ землю Русскую, которую князья стяжали храбростью и своими трудами великими. Владиміръ былъ тронутъ этими увѣщаніями; онъ чтить вдову своего отца, чтить и санъ святительскій и согласился на миръ, но съ тѣмъ, чтобы самъ Святополкъ шелъ на Давида и наказалъ его.

Но опять на Волини и въ Червонной Руси закипѣли усобицы, въ которыя вмѣшаны были и поляки, и венгры и половцы, пока, наконецъ, въ 1100 году не былъ созванъ новый княжескій съѣздъ подлѣ Витичева. Сюда съѣхались Святополкъ, Мономахъ, Давидъ и Олегъ Святославичи, чтобы разсудить дѣло Давида Игоревича. „Ну вотъ ты сидишь теперь съ нами на одномъ коврѣ—сказали братья Давиду. Скажи, въ чемъ твоя жалоба“. Смущенный Давидъ молчалъ, сидя въ сторонѣ. Братья встали, сѣли на коней и подъѣхали къ своей дружинѣ: посовѣтоваться и отрядили своихъ мужей сказать Давиду: „не даемъ тебѣ стола Владимірскаго, потому что ты бросилъ ножъ между братьевъ и сдѣлалъ то, чего никогда не бывало въ Русской землѣ. Мы не подвергаемъ тебя заключенію и не дѣлаемъ тебѣ никакого другого зла; ступай садись въ Бужскъ и въ Острогѣ. Святополкъ даетъ тебѣ еще Дубно и Чарторыйск“. Опальный князь долженъ былъ подчиниться рѣшенію родичей.

Водворивъ миръ въ Русской землѣ, князья склонились на убѣжденія Владиміра и соединенными силами обратились на общихъ враговъ своихъ половцевъ, которые въ тотъ разъ были побѣждены, причемъ было убито 20 ихъ хановъ, но половецкія нападенія опять стали возобновляться, а между тѣмъ охота бороться съ врагами ослабѣла у князей. Тогда Мономахъ пригласилъ Святополка на совѣ-

шаніе у Долобскаго озера недалеко отъ Кіева, на лѣвомъ берегу Днѣпра. Князья совѣщались въ шатрѣ; Владиміръ первый прервалъ молчаніе:

„Братъ, ты старшій, начни же говорить, какъ намъ охранять Русскую землю“?

Святополкъ отвѣчалъ: „братъ, лучше ты начни“.

„Какъ же мнѣ говорить?—возразилъ Владиміръ. Противъ меня и моя и твоя дружина, скажутъ, что я хочу погубить поселянъ и пашни. Но вотъ что для меня уди-

Обѣдъ князя съ митрополитомъ.

Съ древней рукописи.

вительно: какъ вы того не подумаете, что станетъ весною смердъ (крестьянинъ) пахать на своей лошади; а пріѣдетъ вдругъ половчинъ, убьетъ смерда стрѣлою, лошадь его, жену и дѣтей возьметъ себѣ, да и гумно зажжетъ. Почему же объ этомъ не подумаете?“

Дружина единодушно признала справедливость его словъ.

„Я готовъ съ тобою итти“, сказалъ Святополкъ. „Великое добро сдѣлаешь Русской землѣ“, отвѣчалъ Влади-

міръ. Позвали въ походъ и Святославичей. Но отъ нихъ пошелъ только Давидъ. Князя съ дружиной двинулись на коняхъ, а пѣшіе плыли на лодкахъ по Днѣпру. У острова Хортицы, гдѣ послѣ была сѣчь запорожскихъ казаковъ, произошла битва. Половцы, подобно густому бору, покрывали широкое поле; но не было въ нихъ бодрости: по свидѣтельству лѣтописи, и всадники и кони

Одежды XI вѣка.

стояли въ какой-то дремотѣ. Враги потерпѣли отъ русскихъ сильное пораженіе.

Но особенно великъ былъ походъ Задонскій въ 1111 году, предпринятый чрезъ нѣсколько лѣтъ. Князя выступили очень рано въ концѣ февраля, чтобы воротиться домой до наступленія лѣтняго зноя. У Хоролъ бросили сани; перейдя, Пселъ, Ворсклу, Донецъ, на шестой недѣлѣ великаго поста достигли Дона, гдѣ находились осыдлыя становища

половцевъ. Русскіе надѣли брони, и полки двинулись къ городу Шурухану. Священники шли впереди и пѣли тропари. Но шуруханцы вышли на встрѣчу съ поклономъ, рыбой и виномъ и тѣмъ спасли свои жилища. Слѣдующій городъ Сугра былъ сожженъ; 24 марта встрѣтились съ большой ордой половецкой и разгромили ее, а блестящую побѣду отпраздновали въ Благовѣщеніе, которое тогда совпало съ Лазаревой сѹбботой. Но самая главная битва была въ понедѣльникъ на страстной недѣлѣ. Побѣда была такъ велика, что вѣсть о ней распространилась между другими народами: чехами, поляками, венграми и греками и дошла до Рима.

Вотъ что въ XII вѣкѣ пѣлъ поэтъ русскій, авторъ прекрасной поэмы, названной „Словомъ о полку Игоревѣ, о походѣ на половцевъ.

Загудѣло поле, пыль поднялась,
И свозъ пыль уже знамена плещутъ.
Ото всѣхъ сторонъ враги подходятъ,
И отъ Дона и отъ снѣга моря,
Обступаютъ нашихъ отовсюду!
Отовсюду бѣсово исчадье
Понеслося съ гиканьемъ и крикомъ.
Молча, Русь, отпоръ кругомъ готова,
Подняла щиты свои багряны.

Отъ зари до вечера, день цѣлый,
Съ вечера до свѣта рѣютъ стрѣлы,
Гремлютъ остры сабли о шеломахъ,
Съ трескомъ копья ломаются булатны,
Среди невѣдомаго поля,
Въ самомъ сердцѣ половецкой степи.

Подъ копытомъ черное все поле
Было сплошь засѣяно костями,
Было кровью алою полито.

Про князя, громившаго половцевъ, говорилось:

Поострилъ отвагой храброй сердце,
Распалился славнымъ ратнымъ духомъ
И за землю Русскую дружины
Въ степь повелъ на хановъ Половецкихъ.
Залетѣлъ далече ясный соколъ,
Загоняя птицъ ко синю морю,
Не считаетъ ранъ ужъ онъ на тѣлѣ.
Да ему о ранахъ ли тутъ помнить,
Коль забылъ онъ и Черниговъ славный,
Отчій столъ, честны пиры княжіе
И своей красавицы княгини
Милый ликъ и ласковый обычай.

Въ 1113 году умеръ Святополкъ—Михаилъ въ Выпигородѣ. Тѣло его привезли въ лодкѣ въ Кіевъ и похоронили въ основанномъ имъ Златоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ.

Ближайшее по старшинству право на Кіевскій престолъ принадлежало бы Святославичамъ Давиду и Олегу, если бы ихъ отецъ Святославъ не отнялъ Кіева у старшаго брата своего Изяслава. Вслѣдствіе этого право это переходило къ сыну Всеволода Владиміру Мономаху. Да и кіевляне открыто высказались противъ нелюбимыхъ Святославичей. Въ Кіевѣ за отсутствіемъ князя начались беспорядки мятежные. Лучшие люди второй разъ послали сказать Мономаху: „князь, иди скорѣе въ Кіевъ, а если не придешь, знай, поднимется большое зло... И ты будешь отвѣчать передъ Богомъ...“

Владиміръ поспѣшилъ въ Кіевъ и здѣсь торжественно былъ встрѣченъ митрополитомъ и епископами съ духовенствомъ и всѣмъ народомъ и сѣлъ на престолъ отца и дѣдовъ и отсюда со славою держалъ всю Русскую землю, не смотря на то, что уже достигъ шестидесятилѣтняго возраста.

Затихли междоусобія, и половцы перестали нападать на Русскую землю. Князья повиновались Владиміру Мономаху, какъ отцу, а строптивые чувствовали его сильную руку. Если неповиновеніе повторялось, онъ каралъ непокорныхъ, лишая ихъ удѣловъ, какъ напр. Глѣба Минскаго онъ лишилъ удѣла и заключилъ въ Кіевѣ; а Волынскаго князя Ярополка, когда послѣдній ударилъ ему челомъ, возвратилъ въ стольный городъ, сказавъ: всегда иди, когда позову тебя! Онъ вызвалъ изъ

Одежды XII вѣка.

Новгорода сотскаго Ставра и его соучастниковъ, виновныхъ въ безпорядкахъ и грабежахъ, и посадилъ въ тюрьму въ Кіевѣ. Оружіе Мономаха было грозно для инородцевъ Россіи. Княжившій въ Суздаль—Ростовской области Юрій Долгорукій, будущій основатель нашей Москвы, побѣдилъ болгаръ камскихъ, Мстиславъ съ Нов-

городцами разгромилъ Эстонскую чудь, жившую у Балтійскаго моря. Ярополкъ разрушилъ на Дону три половецкихъ города и привезъ себѣ жену, дочь Яскаго князя—необыкновенную красавицу.

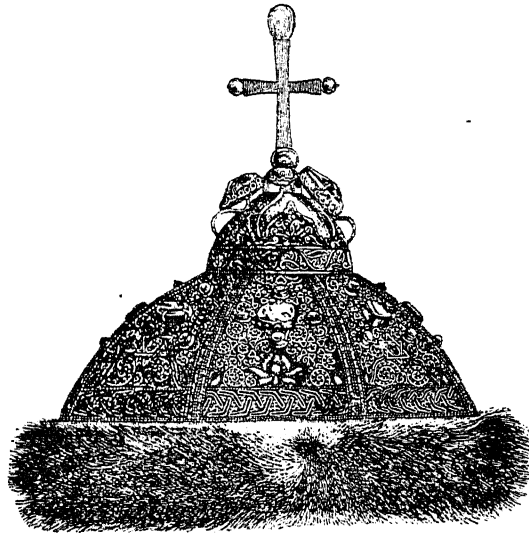
Мономахъ дополнилъ Русскую Правду своего дѣда; понизилъ долговые проценты, запретилъ подвергать наказаніямъ должниковъ, несостоятельныхъ, по неотвратимому несчастію; ограничивалъ умноженіе на Руси числа рабовъ. Иностранные государи съ уваженіемъ смотрѣли на Мономаха и за честь считали родниться посредствомъ браковъ съ его семьею.

На могучую власть его и на Руси и въ Греческой имперіи начинали смотрѣть, какъ на власть царя.

Русскіе говорили, что его кровь смѣшалась чрезъ кровь матери греческой царевны съ кровью царскою, а императоръ греческій Алексѣй Комнень, послѣ войны русскихъ съ греками на Дунаѣ, прислалъ ему съ ефесскимъ митрополитомъ Неофитомъ царскую корону, бармы (оплечье), крестъ съ частицами животворящаго древа, принадлежавшіе его дѣду императору византійскому Константину Мономаху, и сосудъ изъ сердолика, принадлежавшій первому римскому императору Августу. Сложилось преданіе, что Владиміръ вѣнчанъ былъ въ Кіевѣ этой царской шапкой Мономаха; эти знаки царскаго достоинства, какъ святыня, передавались въ благословенномъ и любимомъ народомъ родѣ Мономаха и перешли чрезъ Св. Александра Невскаго въ родъ его сына—основателя московскаго княжества Св. Даніила Александровича. Шапка Мономаха хранится въ Оружейной палатѣ въ ея тронной залѣ. Въ Москвѣ, въ царствованіе Іоанна IV сдѣланъ былъ царскій тронъ, на стѣнкахъ котораго изображено было принесеніе Владиміру Мономаху этихъ знаменъ царскаго достоинства. Этотъ тронъ называется Мономаховымъ и стоитъ въ нашемъ Успенскомъ соборѣ.

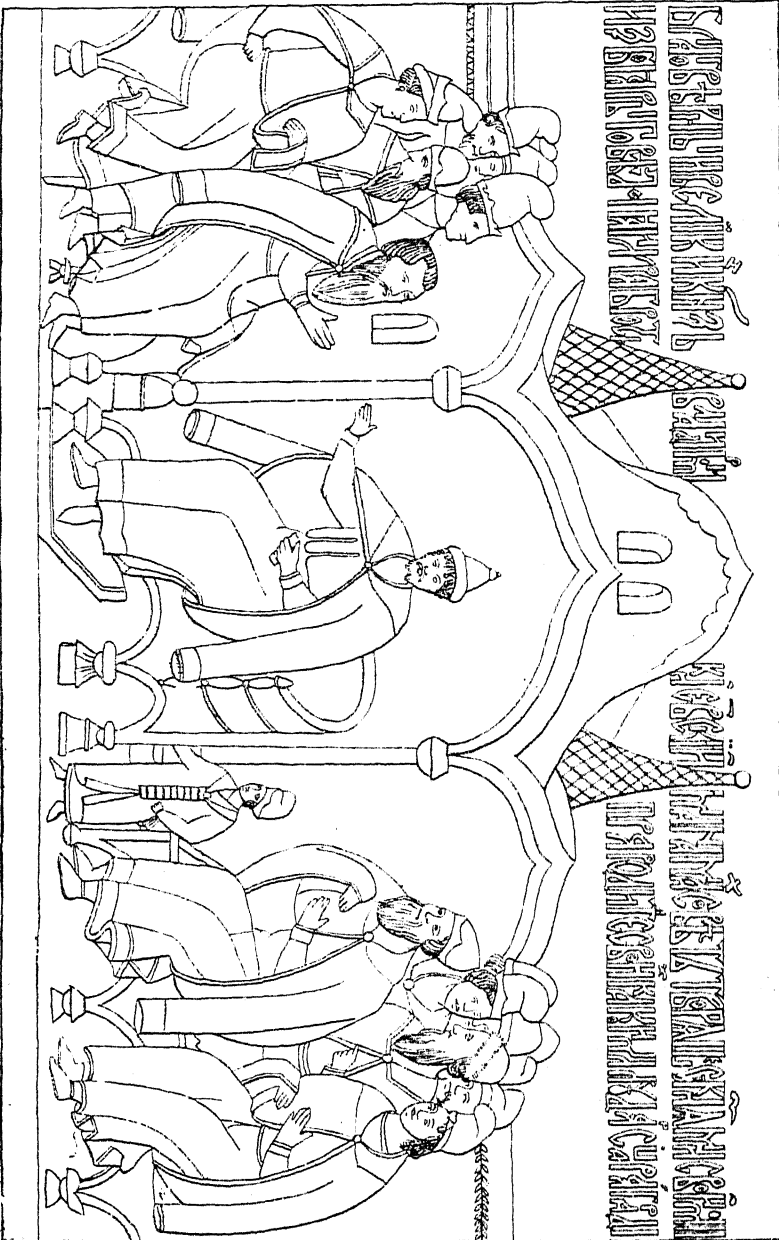
Свято-русскіе идеалы, одушевлявшіе Владиміра Мономаха ясно выразились въ его „Поученіи дѣтямъ“, — прекрасномъ памятникѣ древне-русской письменности.

Оно рисуеъ намъ характеръ этого князя и весь складъ жизни южно-русскихъ князей. Прежде всего изъ этого Поученія видно, какая глубокая православная религіозность одушевляла этого князя. Онъ заповѣдуетъ своимъ дѣтямъ каждый день начинать и кончать молитвою. И на пути, ѣдучи на конѣ, слѣдуетъ про себя повто-

Шапка Мономаха.

рять: „Господи, помилуй!“ Въ свободное время нужно читать Слово Божіе, особенно Псалтирь Давида. Самыя наставленія Мономаха передаются большею частью словами Священнаго Писанія. Заповѣдуя дѣтямъ страхъ Божій и сердечное сокрушеніе о грѣхахъ, онъ больше всего предостерегалъ ихъ отъ гордости: „нынѣ мы живы, а завтра во гробѣ. Но смерти не бойтесь, дѣти мои, ни на войнѣ, ни отъ звѣря, но творите свое дѣло, какъ даетъ вамъ Богъ. Сколько разъ спасался я и отъ рати,

Владимиръ Богомолникъ, по рѣзному изображенію на тронѣ Мономаха. XVI вѣка.

и отъ звѣря, и отъ воды; такъ и вамъ ничто не можетъ повредить безъ воли Божіей; а если отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мать, ни братья не могутъ спасти. Божіе блюденіе лучше человѣческаго“.

„Ходя по своимъ землямъ, говоритъ Мономахъ, не давайте своимъ отрокамъ (младшимъ дружинникамъ) обижать ни чужихъ, ни своихъ, чтобы васъ потомъ не кляли. Гдѣ остановитесь, накормите и напоите бѣдняка; больного посѣтите, ходите на похороны, потому что мы всѣ смертны; не проходите мимо человѣка безъ привѣта. каждому скажите доброе слово. Бѣдныхъ кормите по своей силѣ, помогите сиротѣ, оправдайте вдовицу, не давайте сильнымъ обижать слабыхъ“.

„Духовныхъ лицъ почитайте, съ любовью принимая благословеніе отъ епископовъ, игуменовъ и іереевъ; не устраняйтесь отъ нихъ, но любите ихъ и снабжайте ихъ, чѣмъ можете, чтобы они молились за васъ Богу“.

Заповѣдую крѣпко блюсти клятвенное крестоцѣлованіе, Владиміръ говоритъ: „если кому случится цѣловать крестъ, справься съ сердцемъ, можешь ли устоять, а потомъ уже берегись, чтобы не преступить присяги“.

Въ отношеніяхъ къ людямъ слѣдуетъ, стараго почитать, какъ отца, молодого любить какъ брата. Въ домашнемъ строѣ онъ преподаетъ слѣдующія правила: вставать съ постели слѣдуетъ еще до разсвѣта и идти къ церковной службѣ, послѣ нея заниматься дѣлами по управленію своею волостью, или оправливать (судомъ) людей, а потомъ ѣхать на охоту. Въ полдень назначается отдыхъ: всякое животное и птица спятъ въ это время. Въ домѣ своемъ хозяинъ не долженъ лѣниться; онъ обязанъ за всѣмъ наблюдать самъ лично, не полагаясь на слугъ, чтобы сторонніе не посмѣялись ни надъ домомъ, ни надъ обѣдомъ его. И на войнѣ князь не долженъ полагаться на воеводу, предаваясь ѣдѣ и

спанью; самъ долженъ наряжать сторожу и спать въ вооруженіи на случай внезапнаго нападенія. Усылаясь на свой примѣръ, онъ говоритъ: что надо было дѣлать отроку моему, то дѣлалъ я самъ, и на войнѣ и на охотѣ, ночью и днемъ, на зноѣ и на холоду, не давая себѣ покоя. Въ дому своемъ самъ держалъ домашній порядокъ, на охотѣ порядокъ ловчій, заботясь и о коняхъ, и о соколахъ и кречетахъ. За церковнымъ порядкомъ и службой тоже самъ присматривалъ“.

Всю свою жизнь Мономахъ провелъ въ быстрыхъ разъѣздахъ по Русской землѣ или въ походахъ на ся враговъ. „Большихъ походовъ, говоритъ онъ, я сдѣлалъ 83, а малыхъ и не упомяну. 19 разъ заключалъ миры съ половцами. Часто подвергался разнымъ опасностямъ: два раза туры метали меня на рогахъ, олень бодалъ, лось топтала, вепрь сорвалъ мечъ съ бедра, медвѣдь прокусилъ сѣдло, но Богъ спасалъ меня“.

Въ заключеніе этого разсказа о себѣ и своей жизни Владиміръ Всеволодовичъ прибавляетъ: „не подумайте дѣти мои или другой, кто будетъ читать это, что я хвалю и выставляю себя; я только восхваляю Бога и милость Его: Онъ меня, грѣшнаго и худого, въ теченіе столькихъ лѣтъ уберегъ отъ смерти и сотворилъ меня нелѣннимъ и годнымъ на всѣ дѣла. Желая, чтобы вы, прочитавъ эту грамоту ревновали о добрыхъ дѣлахъ“.

О кончинѣ Владиміра Мономаха лѣтописецъ говоритъ: „въ лѣто 1125. мая 12, преставился благовѣрный христоролюбивый и великій князь всея Руси Владиміръ Мономахъ, иже просвѣти Русскую землю, какъ солнце изливая лучи, его же слухъ произыде по всеѣмъ странамъ; братолюбецъ, и нищелюбивъ, и добрый страдалецъ за Русскую землю. Славный побѣдами, онъ не возносился, не величался. Народъ и люди плакали о немъ, какъ дѣти плачутъ по отцѣ или матери; вотъ какъ всѣ о немъ

плакали“. Кончина его послѣдовала въ любимомъ его Переяславѣ, а погребенъ онъ былъ въ Кіевѣ у Святой Софїи, рядомъ съ гробомъ отца его Всеволода, у гробницы Ярослава Мудраго.

АІ ѿѢВА ОТЪНОАНА ГЛА^ѢСКС.

**ВЪРѢМА ОНО
РАВНСА НІОУ
УЄННКОМЪ
СКОМЪ ВЪ
СТАВЪ ОТЪМЪ
РТВЪХЪ**

Остромирово Евангеліе XI вѣка.

Эпоха Владиміра Мономаха была временемъ расцвѣта русской образованности, искусства и письменности. Въ Кіевѣ и другихъ городахъ строились и украшались живописью храмы. Такъ Владиміръ построилъ прекрасные храмы во имя Св. Бориса и Глѣба, и на Альтѣ, близъ Переяславля, и въ Кіевѣ, куда перенесъ съ великимъ торжествомъ мощи этихъ святыхъ мучениковъ. При его отцѣ и дядьяхъ. Кіево-печерскій монастырь вышелъ изъ своихъ подземныхъ пещеръ св. Антонія и Θεодосія и

сталь обстраиваться великолѣпными храмами на поверхности земли. Такъ при Святославѣ Ярославичѣ построена была великолѣпная церковь Печерской лавры. При Святотополѣ II построенъ былъ и чудно украшенъ златоверхнїй Михайловскїй монастырь въ Кіевѣ; возникъ также и Выдубицкїй монастырь, гдѣ былъ загородный

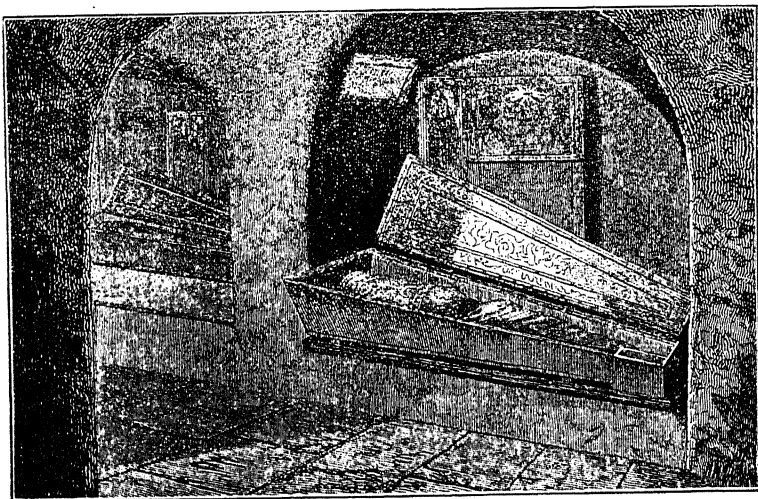
Завѣщаніе Мономаха сыновьямъ.

теремъ Всеволода Ярославича. Въ Кіевскихъ пещерахъ жили и зодчіе и живописцы; главой послѣднихъ былъ Св. Алипій, двѣ иконы котораго вы найдете и въ нашемъ Успенскомъ соборѣ.

Владиміръ, построивъ въ Суздальской землѣ городъ

Владиміръ Залѣсскій, украшалъ его храмами. Въ Кіевѣ онъ построилъ на судахъ или баркахъ мостъ, которому дивились современники.

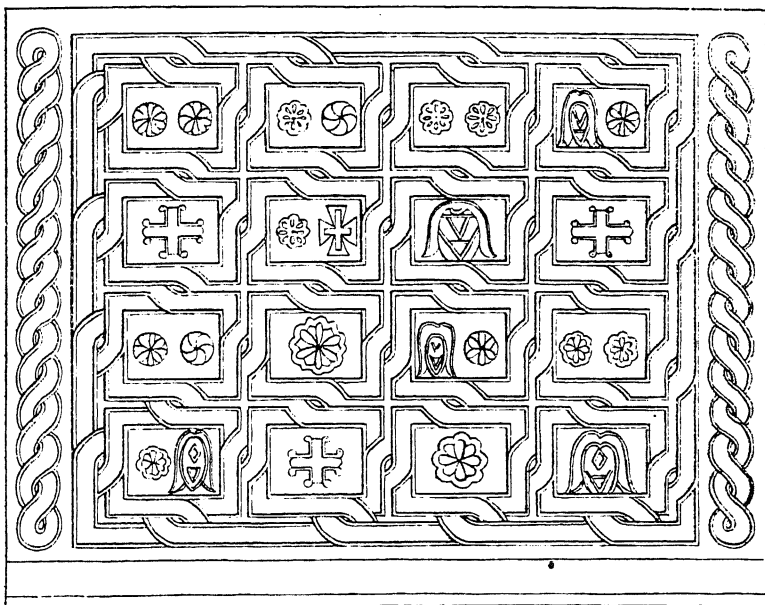
Расцвѣла въ XI вѣкѣ и началъ слѣдующаго и наша письменность. Современникомъ Владиміра Мономаха былъ и первый нашъ лѣтописецъ, инокъ Кіево-Печерской лавры — преподобный Несторъ; высокоталантливому труду его мы обязаны нашей несравненной начальной лѣтописью, той „Повѣстью временныхъ

Гробница Преподобнаго Нестора.

лѣтъ“, изъ которой мы такъ часто на этихъ чтеніяхъ брали прекрасныя сказанія о событіяхъ того и предшествующаго времени. Игуменъ Сильвестръ (около 1115 года) соединилъ неоцѣненный трудъ Нестора и, можетъ быть, и другихъ лѣтописцевъ въ одинъ сводъ. Въ розданной вамъ первой книжкѣ Русской Исторіи вы можете видѣть и почеркъ, какимъ написана была наша начальная лѣтопись въ наиболѣе древнемъ ея спискѣ лаврентьевскомъ, въ XIV вѣкѣ. Тотъ же преподобный Несторъ положилъ начало знаменитому Пате-

рику Печерскому (съ греческаго языка — отечественникъ), гдѣ собраны были житія Кіево-Печерскихъ подвижниковъ. Онъ также написалъ житіе преподобнаго Θεодосія и святыхъ Бориса и Глѣба. Самъ основатель Кіево-Печерской лавры преподобный Θεодосій своими поученіями народу и Кіево-печерскимъ инокамъ принималъ участіе въ письменности того времени. Не указывая на другія произведенія письменности этого времени, упомянемъ еще о „Хожденіи Давіила Русскія земли игумена“ въ Святую землю (начало XII вѣка). Въ Москвѣ въ патріаршей библіотекѣ хранится древняя рукопись XI вѣка: „Изборникъ Святослава Ярославича“. Въ ней находится воспроизведенное выше изображеніе этого князя, его супруги и сыновей.

III.

Суздальское княжество и великій князь Юрій Долгорукій; его борьба за Кіевскій престолъ; заботы его о Суздальской землѣ; построенные имъ здѣсь города и основаніе Москвы.—Андрей Боголюбскій, какъ представитель новаго великорусскаго періода нашей исторіи; его единодержавныя и самодержавныя стремленія.—Всеволодъ III.

о смерти Владиміра Мономаха (1125), въ теченіе ста лѣтъ, до перваго нашествія татаръ (1224), мы видимъ у насъ съ одной стороны сильное развитіе удѣльнаго многодержавія, ослаблявшаго Россію, съ другой стороны явные признаки нарождавшагося спасительнаго единодержавія.

Представительницей многодержавія была Русь юго-западная съ Кіевомъ во главѣ, представительницей единодержавія была наша сѣверо-восточная Русь съ Владиміромъ на Клязьмѣ во главѣ, а затѣмъ съ Москвой.

Къ несчастію, Владимірскіе князья ко времени нашествія татаръ не успѣли еще установить на Руси единство, и она, оставаясь еще раздробленной, должна была покориться азіатскимъ завоевателямъ.

Необходимо было высокое патріотическое одушевленіе, выдающаяся энергія и необычайныя дарованія Владиміра Мономаха, чтобы удерживать князей-родичей въ единствѣ: въ повиновеніи старшему въ родѣ, въ родственномъ согласіи между собою, въ готовности единодушно постоять за безопасность и честь земли Русскія.

Но послѣ смерти этого, по выраженію лѣтописи, добраго страдальца за землю Русскую, даже въ его родѣ, который русскіе люди называли „благородною вѣтвью добраго корени“, происходили усобицы. Ихъ усугубляли Ольговичи Черниговскіе, потомки Олега Гориславича, вылетавшіе изъ его осинаго, по выраженію современниковъ, гнѣзда. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ, отъ 1125 года по 1175-й десятками смѣнялись, изгоняя другъ друга силою, князья въ самомъ Кіевѣ, матери городовъ русскихъ. Тоже было и въ другихъ удѣльныхъ княжествахъ. Авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ говорилъ объ этомъ:

„Братья спорятъ: то мое и это! Золъ раздоръ изъ малыхъ словъ заводятъ, на себя куютъ крамолу сами, а на Русь съ побѣдами приходятъ отовсюду вороги лихіе“...

„Стонетъ Кіевъ, тужить градъ Черниговъ. Широко печаль течетъ по Руси, а князья куютъ себѣ крамолу, а враги съ побѣдой въ селахъ рыщутъ“.

О Руси того времени, когда сидѣлъ въ Кіевѣ внукъ Мономаха Изяславъ II, лѣтопись говоритъ, что она, прежде представлявшая единую ткань, „разодралась“ на отдѣльные куски и до глубины своей „взялась“ или замутилась. Все развивавшіяся усобицы, „несли розно“

Русскую землю до того, что во второй половинѣ XII вѣка, она распалась на особыя областныя княжества съ своими великими князьями и младшими, каковы: Чернигово-Сѣверское, Галицкое, Владиміро-Волынское, Смоленское, Суздальское, Рязанское и т. д. Расти и укрѣпляйся дальше удѣльная система, единсе государство земли Русскія расторглось бы на отдѣльныя маленькія государства, несвязанныя даже слабымъ союзомъ. Стъ усобицъ значеніе княжеской власти поникло, и стало сильно поднимать голову вѣчевое народоправство, не въ одномъ только Новгородѣ, гдѣ оно пріобрѣло буйный характеръ, выражавшійся даже въ изгнаніи князей и въ ихъ обязательствахъ княжить тамъ на всей волѣ новгородцевъ, но и во многихъ другихъ городахъ до—княжескаго происхожденія. Даже въ самомъ Кіевѣ, гдѣ до смерти Ярослава слышно было только о старцахъ градскихъ, призываемыхъ, когда хотѣлъ князь, для совѣта, стало шумѣть вѣче.

Но благодареніе Богу, что подъ дѣйствіемъ этихъ разлагающихъ началъ не изсякъ въ древней Руси тотъ здравый государственный смыслъ, который привелъ у насъ къ учрежденію государства въ 862 году. Нѣтъ, этотъ здравый государственный смыслъ развивался далѣе. Въ младшемъ поколѣніи Мономаховичей возникла и стала рости идея единодержавія, противоположная удѣльному многодержавію. Здѣсь сознано было, что для силы и благосостоянія Россіи необходима не собирательная власть одного рода князей, объединяемыхъ отеческимъ авторитетомъ великаго князя, примиряемыхъ княжескими съѣздами и взаимными клятвами, а единоличная власть одного Государя всея Руси, предъ которымъ были бы подданными и князья, и бояре, и горожане, и сельчане.

Старшая вѣтвь Мономаховичей, не смотря на то, что

въ ней было много даровитыхъ и сильныхъ князей, такихъ, какъ Мстиславъ I, Изяславъ II, Мстиславъ Храбрый, Мстиславъ Удалой, Ярославъ Осмомысль, Романъ и Данилъ Галицкіе, не доработалась до этой идеи, давшей намъ, на смѣну Кіевского періода Руси, новый періодъ Владимірскій. Истиннымъ и типичнымъ его представителемъ былъ великій князь Андрей Боголюбскій, а на рубежѣ этихъ двухъ періодовъ стоитъ его отецъ — Юрій Владиміровичъ Долгорукій, — устроитель земли Суздальской и основатель нашей Москвы.

Юрій Долгорукій.

Край на средней Волгѣ и нижней Окѣ, лежавшій за лѣсами Вятичей (стародубскими и брынскими) первоначально населенный финскими племенами — мерей, весью и другими, былъ колонизованъ славянами еще до основанія Русскаго государства: потому что здѣсь еще до 862 года были города Ростовъ и Суздаль. Но эта земля, какъ и земля Рязанская, еще при Владимірѣ Мономахѣ не называлась Русскою землею. Этимъ именемъ звалась

только юго - западная Кіевская Русь. Но пройдетъ немного времени, и эта область будетъ именоваться не только Русью, но и великой Русью, или Великороссіей, а подъ вліяніемъ ея возвышенія и захуданія Кіева, юго-западная Русь будетъ именоваться малой Русью или Малороссіей. Значеніе этого приволжскаго края понималъ еще и Владиміръ св., предпринимавшій сюда путешествія для утвержденія христіанства, и посадившій здѣсь князьями своихъ сыновей Бориса и Глѣба, и Ярославъ Мудрый, основавшій на берегу Волги Ярославль. Владиміръ Мономахъ тоже придавалъ значеніе этому своему удѣлу: потому что онъ построилъ здѣсь Владиміръ на Клязьмѣ. Но еще болѣе попеченій посвятилъ этой области сынъ Мономаха Юрій Владиміровичъ. Правда, его „долгія руки“ тянулись и на югъ, и на сѣверъ, и къ Кіеву, и къ Новгороду, но нельзя указать другого князя, который бы столько труда положилъ на устроеніе своего удѣла, сколько Юрій Владиміровичъ—для своей Ростово-Суздальской земли.

Въ короткое время, съ 1134 года по 1152 годъ, онъ построилъ здѣсь цѣлый рядъ городовъ. Такъ въ 1134 году онъ строитъ городъ Кснятинъ при впаденіи Нерли въ Волгу. Въ 1147 году, на мѣстѣ сель боярина Степана Кучки, становится извѣстна основанная Юріемъ Москва. Въ 1152 году онъ строитъ названный его именемъ Юрьевъ въ полѣ (Польскій, въ нынѣшней Владимірской губерніи) и переноситъ на новое мѣсто у озера Плещеева и обстраиваетъ Переяславль-Залѣсскій. Въ 1154 году на рѣкѣ Яхромѣ основываетъ еще городъ, который называетъ въ честь своего сына Дмитрія — Всеволода-Дмитровомъ.

Около этого времени въ этомъ краѣ возникаютъ и другіе города, какъ Тверь, Кострома, Угличъ, Городецъ и другіе.

Въ прежнія времена сюда шло переселеніе изъ новгородскихъ областей, а теперь двинулось съ юга. Доказательствомъ этого служить, что здѣсь въ именахъ рѣкъ, городовъ и селъ начинаютъ мелькать названія, столь часто встрѣчающіяся въ старой Кіевской лѣтописи. Такъ среди рѣкъ Великороссіи мы находимъ Лыбедь, Трубежь, Ирпень. среди городовъ Звенигородъ, Переяславль, Галичъ, среди селъ Берендей, Вышгородъ и т. п.

Суздаль.

Но переселившійся сюда со всея Руси народъ отлился здѣсь въ особый великорусскій типъ, характеризующійся своимъ трудолюбіемъ, своей стойкой выносливостью, своей практической сметкой.

Съ особою подробностью мы должны остановиться на основаніи Москвы.

Москва въ первый разъ упоминается, какъ городъ, въ лѣтописи, въ горячую пору, именно подъ 1147 годомъ.

Весною этого года Суздальскій князь Юрій Владиміровичъ, какъ передаетъ лѣтописное сказаніе, пошелъ на Новгородъ, бывшій на сторонѣ Изяслава Мстиславича, взялъ Торжокъ и землю на Мстѣ, а Святославъ Сѣверскій, его союзникъ, по Юрьеву приказу, пошелъ на землю Смоленскую, тоже стоявшую на сторонѣ Кіевского князя, и взялъ жившихъ тамъ на Протвѣ литовцевъ-голядей и обогатилъ дружину свою полономъ. Послѣ этого, Святославъ, къ которому Юрій еще раньше посылалъ на помощь сыновей своихъ и богатые дары для него и его княгини (ткани и мѣха), получилъ отъ Суздальскаго князя зовъ пріѣхать къ нему въ Москву (въ „Московъ“), которая по этому поводу впервые упомянута въ лѣтописи. Святославъ отправился къ нему въ новый городокъ съ сыномъ Олегомъ, княземъ Владиміромъ Рязанскимъ и дружиной. Олегъ поѣхалъ въ Москву напередъ и получилъ отъ Юрія въ подарокъ барса. Дружески поздоровался основатель Москвы съ князьями, и здѣсь началось пированье. На другой день Юрій сдѣлалъ большой, или, по старинному выраженію, „сильный“, обѣдъ для гостей, богато одарилъ Святослава, сына его Олега, Владиміра Рязанскаго и всю ихъ дружину. Вѣсти о свиданіи князей союзниковъ въ Москвѣ, предъ началомъ громаднaго междоусобія, разнеслись по всей Руси и сдѣлали извѣстнымъ этотъ новый маленькій городокъ. Такъ какъ этотъ сѣздъ въ Москвѣ происходилъ въ концѣ марта (28 числа, на Похвалу Богородицы), то пиры и обѣдъ „сильный“ не могли идти въ шаграхъ и, безъ сомнѣнія, происходили въ княжемъ теремѣ.

Въ эту пору Москва была лишь небольшимъ пограничнымъ для Суздальскаго княжества военнымъ пунктомъ, которому предстояло лишь въ будущемъ важное значеніе, по его срединному положенію, въ одинаковыхъ

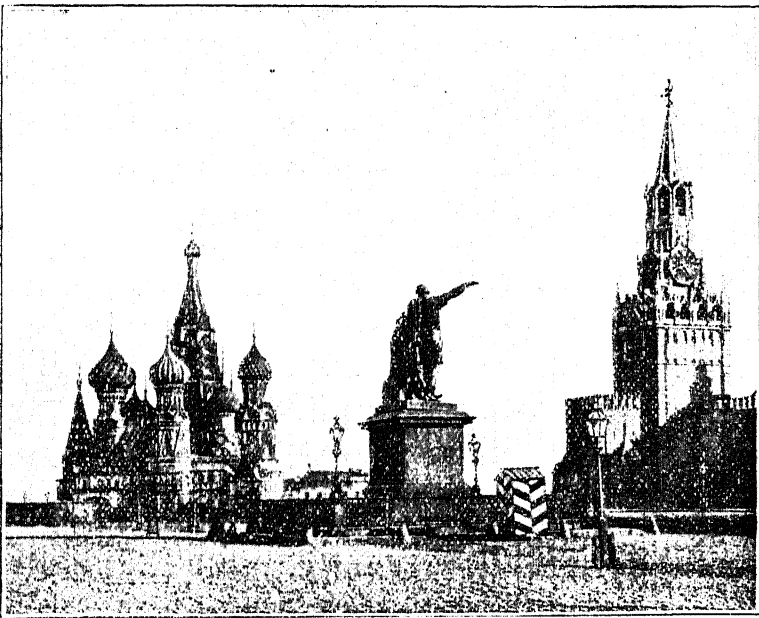
разстояніяхъ отъ нашихъ естественныхъ предѣловъ на западѣ и востокѣ, на югѣ и сѣверѣ.

Хотя въ половинѣ XII вѣка еще не могла быть сознана эта центральность Москвы, но уже ощущалось, что тутъ лежитъ бойкій узелъ границъ нѣсколькихъ княжествъ: Суздальскаго, Смоленскаго, Рязанскаго, Сѣверскаго и Новгородскаго и важный перекрестокъ многихъ дорогъ и водныхъ путей.

Москва-рѣка, при обилии лѣсовъ, семь съ половиною столѣтій тому назадъ, многоводная и судоходная, представляла собой пунктъ, гдѣ въ живомъ соприкосновеніи сходились и сплеталось очень многое. Начало этой рѣки, выше Можайска, находилось въ княжествѣ Смоленскомъ. тянувшемъ по Днѣпру къ южной Руси, а по Двинѣ къ западу; устье Москвы, при впаденіи ея въ Оку, принадлежало Рязанско-муромскому княжеству, тянушему къ Волгѣ. Цѣлая сѣть рѣкъ дѣлала это мѣсто очень бойкимъ для соприкосновенія съ другими княжествами пунктомъ, гдѣ сходились пути и въ Новгородъ, и въ Кіевъ, и во Владиміръ, и въ Смоленскъ. Н. П. Барсовъ въ своей Русской Исторической Географіи говоритъ: „для связи съ областью Москвы-рѣки, верхней Оки и чрезъ нее Угры, составлявшей путь изъ верхняго (Чернигово-Сѣверскаго) Поднѣпровья, служила Лопасня, сближающаяся съ притокомъ Москвы Пахрою (на границахъ Подольскаго и Серпуховскаго уѣздовъ) и еще болѣе Протва, которая своими верховьями подходитъ непосредственно къ Москвѣ-рѣкѣ (въ Можайскомъ уѣздѣ). Здѣсь мы видимъ, въ первой половинѣ XII вѣка, старинныя поселенія „Вышегородъ и Лобыньскъ“. Съ другой стороны, Москва-рѣка связывалась съ верхнимъ Поволжьемъ правымъ притокомъ своимъ Рузою и Ламою, вмѣстѣ съ Шошею, вливающейся въ Волгу. Здѣсь — известный Волокъ-Ламскій. Въ область Клязьмы шли пути по

Сходнѣ, впадающей въ Москву-рѣку выше столицы, и по Яузѣ...”

Понятно, что здѣсь былъ узелъ бойкихъ, перекрещивающихся военныхъ и торговыхъ дорогъ изъ Новгорода, Смоленска, Чернигова съ Кіевомъ, Ростова съ Суздалемъ. Здѣсь съ незапамятныхъ временъ были не только поселенія финской мери, о чемъ свидѣлствуютъ открытые въ Москвѣ остатки языческихъ городищъ

Красная площадь и памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ.

и разные предметы доисторическаго быта, но и славянскія селенія. При постройкѣ Большого Кремлевскаго дворца, были найдены серебряные обручи и серьги, а на мѣстѣ храма Христа Спасителя—древнія арабскія монеты, изъ коихъ одна 862 года. Здѣсь, по всей вѣроятности, бывали Владиміръ св., намѣтившій свой городъ на Клязьмѣ, Борисъ княжившій въ Ростовѣ, Глѣбъ—въ Муромѣ, и Ярославъ Мудрый, основатель

Ярославля на Волгѣ, если только они ѣздили оттуда на юго-западъ въ Кіевъ, а не въ Новгородъ. Несомнѣнно, что посѣщали эти мѣста и Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, нѣсколько разъ ѣздившій въ Ростовскую землю и строившій тамъ храмы. Но, когда онъ отдалъ въ удѣлъ Владиміро-Суздальскую землю своему сыну Юрію Владиміровичу Долгорукому, здѣсь мы видимъ на Москвѣ рѣкѣ цѣлый рядъ селъ, принадлежащихъ старшему его дружиннику, говорятъ даже тысячскому, — боярину Кучку. Здѣсь, при этомъ вотчинникѣ, конечно, все было: и большія поселенія, и храмы, и боярскія хоромы: не было только города, какъ крѣпости, какъ военно-княжескаго пункта. Но, несомнѣнно, основатель отдѣльнаго княжества Суздальскаго не могъ, на рубежѣ столькихъ удѣловъ, въ пору ихъ наибольшаго столкновенія изъ-за Кіева, при началѣ усобицы съ Изяславомъ Мстиславичемъ, не основать здѣсь города, какъ именно военного пограничнаго пункта. Этому вполне соответствуетъ то, что новый городъ въ 1447 году сдѣлался мѣстомъ важнаго съѣзда выпеназванныхъ князей—ратныхъ союзниковъ, гдѣ князья стоварились „жить въ любви и единствѣ до конца живота, имѣть однихъ друзей и враговъ, сообща стеречься отъ недруговъ“. И Кремлевская крѣпость главными своими сторонами обращена на югъ и западъ. Она была заложена на холмѣ тамъ, гдѣ оканчивалось взводное судоходство Москвы-рѣки и начинается сплавное, гдѣ рѣка, выше устья Неглинной, образуетъ пороги. Впослѣдствіи для защиты Москвы построена другая крѣпость—Китай-городъ, а потомъ Бѣлый городъ и круговое земляное укрѣпленіе, охватывавшее городъ со всѣхъ сторонъ. Лѣтописное преданіе говоритъ, что Юрій, казнивъ Кучка, взыдѣ на гору и обзрѣ очима своими сѣмо и овамо, по обѣ стороны Москвы рѣки и Неглинной, возлюбилъ села оныя (Степана Кучка) и по-

велѣлъ сдѣлать тамъ „древянь градъ“. Что же именно построилъ Юрій Владиміровичъ въ Москвѣ? Древнѣйшій храмъ Іоанна Предтечи подъ Боромя и церковь Спаса на Бору (боръ—лѣсъ), который тянулся изъ Кремля, отъ Боровицкихъ воротъ, черезъ Китай-городъ, на вынѣшнюю Лубянку, на далекое пространство, построены были уже послѣ смерти Юрія. Сооруженіемъ основателя Москвы были, несомнѣнно, деревянные съ башнями стѣны Кремля, за коими могли находить себѣ защиту крестьяне селъ Кучко-

Софійскій соборъ въ Новгородѣ.

выхъ и новые поселенцы. Но эти стѣны были даже не дубовыя, потому что таковыя, по лѣтописному сказанію, построены Іоанномъ Калитою. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что основатель Москвы построилъ въ Кремлѣ и княжій дворъ, съ соответственными строеніями, гдѣ гостили у него князья и гдѣ можно было дать названный выше „сильный“ обѣдъ, въ 1147 году, и гдѣ жила княжья дружина. Сомнѣнія нѣтъ, что извѣстный храмоздательствомъ, по другимъ городамъ, Юрій построилъ хотя одну цер-

ковъ въ Москвѣ; но объ этомъ мы не имѣемъ письменныхъ свѣдѣній.

Что такое были Кучковы села до основанія на Москвѣ-рѣкѣ города? Этотъ интересный вопросъ рѣшить очень затруднительно.

Къ числу Кучковыхъ селъ, по преданіямъ, принадлежали: Воробьево, Симоново, Высоцкое, Кулишки, Кудрино и Сущево; называютъ и другія; и тамъ, еще до основанія Москвы, какъ города, были, конечно, свои церкви: ибо села отличаются отъ деревень церквами. Одно только извѣстно, что Кучковы села не совпадали съ городомъ Москвою. Кучково поле начиналось именно съ того мѣста, гдѣ идетъ теперь Лубянка, а домъ боярина находился будто близъ нынѣшнихъ Чистыхъ прудовъ. Преданія рассказываютъ, что, на мѣстѣ церкви Спаса на Бору, когда-то жилъ пустынникъ Букаль, а на Крутицахъ какой-то мудрый человекъ, по имени Подонъ, родомъ римлянинъ.

Но все, что можно сказать о Степанѣ Кучкѣ, есть или былины лѣтописцевъ или догадки историковъ позднѣйшаго времени. Разныя старинныя преданія говорятъ согласно, что онъ былъ казненъ Юріемъ Долгорукимъ. Но за что?—Вотъ вопросъ, который разнѣ рѣшается и въ схожихъ съ былинами „старинкахъ“, и въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Одна легенда говоритъ, что Кучко, возгордѣвъ зѣло, не почтилъ своего князя и даже хулилъ его.

Позднѣйшіе историки, основываясь на томъ, что въ Новгородѣ иногда встрѣчалось имя Кучко, стали предполагать, что Степанъ Кучко былъ новгородскимъ земскимъ бояриномъ, что его села были населены новгородцами и что въ его земскомъ сопротивленіи заключается причина его казни, что самая Москва есть колонія новгородская. Но едва ли это такъ. Въ княжеское

время, со времени основанія Владиміра-на-Клязьмѣ и Ярославля, все вѣчевое-новгородское, начиная съ Ростова и Суздаля, въ Приволжскихъ владѣніяхъ Мономаховичей, становится въ тѣнь; и едва ли что-нибудь такое вѣчевое могло въ XII столѣтіи сказываться въ вотчинахъ Кучковыхъ. Да и самое прозваніе ихъ владѣльца, оканчивающееся на о, скорѣе указываетъ, что онъ, или его родители пришли изъ южной Руси, а не изъ Новгорода. Въ Подоліи былъ городъ Куча, а въ Червонной Руси Кучельминъ. У Черниговскихъ князей

Ростовъ Великій.

былъ бояринъ Судиміръ Кучебичъ. Отъ этого, можетъ-быть, и Степанъ Кучко тянулъ на югъ къ Изяславу Мстиславичу, за что и былъ казнень великимъ княземъ суздальскимъ.

Положилъ ли какую-нибудь печать своего личнаго характера на основаномъ имъ городѣ Юрій Долгорукій?— Едва ли. Объ этомъ можно догадываться уже потому, что онъ не послѣдовалъ примѣру своего прадѣда—Ярослава Мудраго, дававшего свое имя основаннымъ имъ городамъ, и не называлъ свою крѣпость Юрьевымъ, какъ сдѣлалъ это относительно построеннаго имъ Юрева-

Польскаго, гдѣ онъ создалъ церковь въ честь св. Георгія Побѣдоносца, — своего ангела. Москва нѣкоторое время называлась даже Кучковымъ, а потомъ за нею утвердилось, по рѣкѣ, названіе: „Москва“, вѣроятно мѣрянское, обозначающее, по однимъ сказаніямъ—„смородину“, а по другимъ—„крутящуюся, искривленную“, по третьимъ „мутную“ и т. д. Ходаковский пишетъ: Мосткова, производя это имя отъ мостковъ на рѣкѣ. Иные производятъ это имя отъ Мосоха, сына Іафетова. Въ сѣверо-восточной Руси—много рѣкъ, названіе которыхъ оканчивается на **ва**: Протва, Сытва, Косва. У одной Камы 20 притоковъ, названія коихъ такъ именно оканчиваются; а **ва**, по-фински, значитъ вода. См. книгу: „Изъ Исторіи Москвы. Очерки съ 212 рисунками М. 1896.

Очевидно, Юрій Владиміровичъ, обстраивая и заселяя свой удѣлъ, не смотрѣлъ на него, какъ на временную ступень лѣстничнаго восхожденія, а считалъ его своимъ собственнымъ владѣніемъ, своей прочною наслѣдственной вотчиной. Сначала его не манилъ заманчивый для всѣхъ князей Кіевъ. По смерти братьевъ своихъ Мстислава и Ярополка, ему, какъ Мономашичу, не трудно было бы утвердиться на Кіевскомъ столѣ, но онъ терпитъ его переходъ къ Ольговичамъ Черниговскимъ, довольствуясь тѣмъ, что въ то время имѣлъ причастіе въ Русской землѣ, т. е. въ Кіевской Руси, владѣя тамъ южнымъ Переяславлемъ, а въ другое время Городцемъ Остерскимъ. Онъ началъ энергичную борьбу за Кіевъ лишь тогда, когда на его престолъ возсѣлъ его племянникъ Изяславъ Мстиславичъ. Онъ нѣсколько разъ отнималъ у него Кіевъ и княжилъ тамъ. Но къ Кіеву и кіевлянамъ онъ относился совсѣмъ не такъ, какъ князя старшаго колѣна Мономахова. Онъ держалъ себя здѣсь, какъ чужой, какъ великороссъ. Въ то время, какъ Изяславъ, полный любви къ кіевлянамъ, называлъ ихъ своими милыми, онъ не

дѣлалъ ни одного движенія, чтобы снискать ихъ любовь. Онъ приводилъ на Кіевъ, вмѣстѣ съ суздальскими ратями, и половцевъ и управлялъ Кіевомъ при помощи нелюбимыхъ тамъ суздальцевъ, а самъ часто уходилъ отсюда во Владиміръ. Кіевляне не любили Юрія и не разъ говорили Изяславу, что имъ не усидѣть съ Юріемъ. „Хочемъ тебя въ Кіевъ, говорили они въ другой разъ Изяславу. Суздальскій князь никому не угоденъ, нелюбы въ Кіевѣ и приплыне Суздальскіе дружины“. Но, не глядя на такое взаимное нелюбие, и несмотря на представленія своего сына Андрея Боголюбскаго. Юрій все же не хотѣлъ разстаться съ Кіевомъ и умеръ здѣсь великимъ княземъ въ 1158 году; онъ похороненъ былъ не у Св. Софїи, а у Спаса въ Берестовѣ.

Сѣверно-русскій князь, любя свою Залѣсскую область и возникавшіе въ ней новые государственные порядки, очевидно, еще не въ силахъ былъ отказаться отъ идеи главенства надъ всею Русскою землею Кіева и отъ его строя понятій и обычаевъ. Юрій Долгорукій все же не былъ чуждъ понятій южно-русскихъ князей.

Совсѣмъ не таковъ былъ сынъ его Андрей Боголюбскій. Уроженецъ велико-русскаго сѣвера, онъ, хотя, по волѣ отца своего принималъ участіе въ борьбѣ изъ-за Кіева и соперничалъ въ ней своей храбростью съ удалыми князьями южной Руси, ясно понималъ, что она уже отжила свое время и что для Россіи необходимы уже иные государственные порядки и иной государственный центръ.

Не разъ Андрей уговаривалъ отца разстаться съ южной Русью, указывая: „всегда въ мятежѣ и въ волненіи; всѣ хотятъ велико-княженія, и никому ни съ кѣмъ мира нѣтъ; нестроеніе братьи, сродниковъ и всего племени. Отъ сего всѣ княженія опустѣли. Въ Придунайской странѣ, уже чужіе заселяются и обладаютъ; и поганые половцы вездѣ пусто сотворили. Это ли—честь,

слава, величество, и глава всѣмъ—Кіевъ? Уже великое и славное Кіевское княжество пусто“. Лѣтопись говоритъ, что „отецъ унималъ его много“. Но въ умѣ его былъ новый идеаль государственнаго строя, и онъ недовольный теплымъ югомъ уходитъ въ свою прохладную Залѣскую страну.

Андрей Боголюбскій.

Когда Юрій въ послѣдній разъ утвердился въ Кіевѣ, посадивъ вблизи себя въ Вышгородѣ Андрея, онъ рѣдко видѣлся съ своимъ отцемъ. Но однажды Андрей пришелъ въ Кіевъ и „радостно бысть пріять отъ отца сво-

его и пребысть у него въ Кіевѣ нѣколько время“. Однако и въ этотъ прїѣздъ онъ просилъ отца отпустить его на сѣверъ, но, получивъ отказъ, рѣшился уйти туда противъ его воли. „Мысля же себѣ въ тайнѣ сердца своего, никакоже повѣдая сего отцу: восхотѣ идти на великое княженіе въ Суздаль и Ростовъ, яко тамъ, рече, покойнѣе есть. И сице поиде изъ Кіева тайно.. и отчуждися великаго княженія Кіевского“.

Уходя изъ Вышгорода въ Владиміръ Залѣсскій, онъ оставилъ тамъ все нетронутымъ, взялъ только одну великую святыню, стоявшую въ Вышгородскомъ монастырѣ, — икону Богоматери, которая имѣла столь великое священно-историческое значеніе въ періоды Владимірскій и Московскій. Это — икона, написанная Евангелистомъ Лукой и принесенная въ даръ Юрію изъ Греціи. Ночью Андрей вошелъ съ причтомъ въ храмъ и палъ предъ иконою ницъ и молился: „Владычица! Аще хощеша, буди помощницею намъ въ Ростовской землѣ, куда тщимся шествовати. Сохрани и заступи ны отъ всякаго зла!“ Выслушавъ молебенъ, князь взялъ икону въ свои руки и прямо изъ храма двинулся въ путь на сѣверъ, въ будущую Великую Русь, оставляя за собою ту Русь, которой было суждено уже малиться. Ни церковныя власти, ни отецъ — великій князь не сдѣлали попытки остановить Андрея на его пути... Увѣренъ, что вы знаете, о какой иконѣ идетъ рѣчь. Это — икона Владимірской Божіей Матери, уже много вѣковъ стоящая въ нашемъ Всероссійскомъ Успенскомъ Соборѣ, и являющаяся священнымъ знаменемъ всея Руси единодержавныя.

Весь Владиміръ Залѣсскій крестнымъ ходомъ вышелъ въ срѣтеніе этой великой святыни. Народъ въ неописуемомъ благоговѣніи земно кланялся Царицѣ Небесной. Князь Андрей мѣшкалъ въ княжескомъ Владимірѣ и не шелъ въ до-княжескій вѣчевой Ростовъ. Однако въ виду

его старѣйшинства двинулся со святой иконой изъ младшаго и любимаго Владиміра. Но, въ десяти верстахъ отъ города, у рѣки Клязьмы, кони везшіе кіотъ съ св. иконой не захотѣли идти; перепрягли и другихъ, и съ тѣми было тоже. Всѣ присутствовавшіе увидали въ этомъ знаменіе самой Богоматери. Андрей далъ обѣтъ построить на этомъ мѣстѣ каменный храмъ и въ ту же ночь въ шатрѣ своемъ, раскинутомъ на этомъ мѣстѣ имѣлъ видѣніе: предъ нимъ предстала Богоматерь съ свиткомъ въ рукѣ и повелѣла не нести свою икону въ Ростовъ, а поставить ее во Владимірѣ, а здѣсь построить иноческую обитель во имя Ея рождества. На этомъ мѣстѣ Андрей построилъ женскій монастырь, свой дворецъ и цѣлый городокъ, названный Боголюбовымъ. На новой иконѣ было воспроизведено видѣніе Андрея, и она именуется Боголюбской, а самъ онъ былъ прозванъ Боголюбскимъ.

Чертами единодержавія и самодержавія отличалась государственная дѣятельность въ Великороссіи Андрея Боголюбскаго отъ родоваго патріархальнаго правленія великихъ князей кіевскихъ.

Въ своей Владимірской вотчинѣ онъ держался начала ея нераздѣльности: не дробилъ ея между сыновьями и изгналъ изъ нея своихъ братьевъ, „хотя, говорить лѣтопись, единъ быти властель во всей Суздальской и Ростовской землѣ“.

Будучи полнымъ единодержцемъ здѣсь, онъ объединялъ удѣльныхъ князей другихъ областей не родственной властью старшаго изъ родичей, а властью главы всея Руси, всѣхъ ея князей, властью ихъ Государя, хотя еще и не именовался Государемъ, какъ называли себя впослѣдствіи Московскіе князья, начиная съ Іоанна III. Сдѣлавъ Владимірѣ, вмѣсто Кіева великокняжескимъ престоломъ всея Руси, онъ не постѣснился отдать

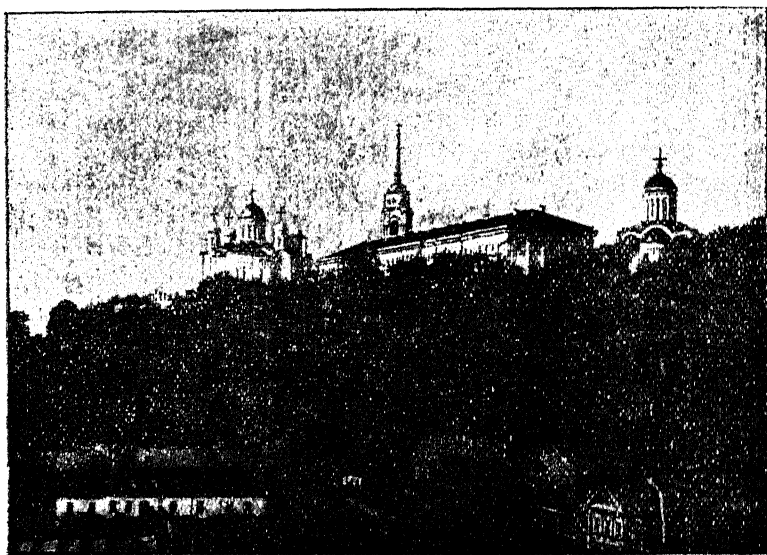
приказъ своимъ сыновьямъ и другимъ князьямъ взять копьемъ на щитъ Кіевъ и предать его разрушенію, чего никогда не бывало, по словамъ лѣтописи, съ матерью

Успенскій соборъ во Владимірѣ.

городовъ русскихъ. Андрей, отнявъ Кіевъ отъ Мстислава II Изяславича своими полками, не поѣхалъ однако туда сѣсть на столъ отца и дѣда, а посадилъ тамъ „отъ руки своей, по милости своей“, младшаго брата своего

Глѣба Юрьевича, а по его смерти отдалъ Кіевъ Ростиславичамъ смоленскимъ. Старшій изъ нихъ Романъ сѣлъ въ Кіевѣ, а младшіе его братья размѣстились въ ближайшихъ городахъ. Но Ростиславичи разъ показали неповиновеніе Андрею Боголюбскому. Тогда онъ отправляетъ къ нимъ посла своего Михну съ грознымъ приказаніемъ: „не ходишь ты, Романъ, въ моей волѣ съ своею братіей, такъ пошелъ вонъ изъ Кіева; ты, Мстиславъ, вонъ изъ Бѣлгорода, а ты, Давыдъ, вонъ изъ

Владиміръ на Клязьмѣ.

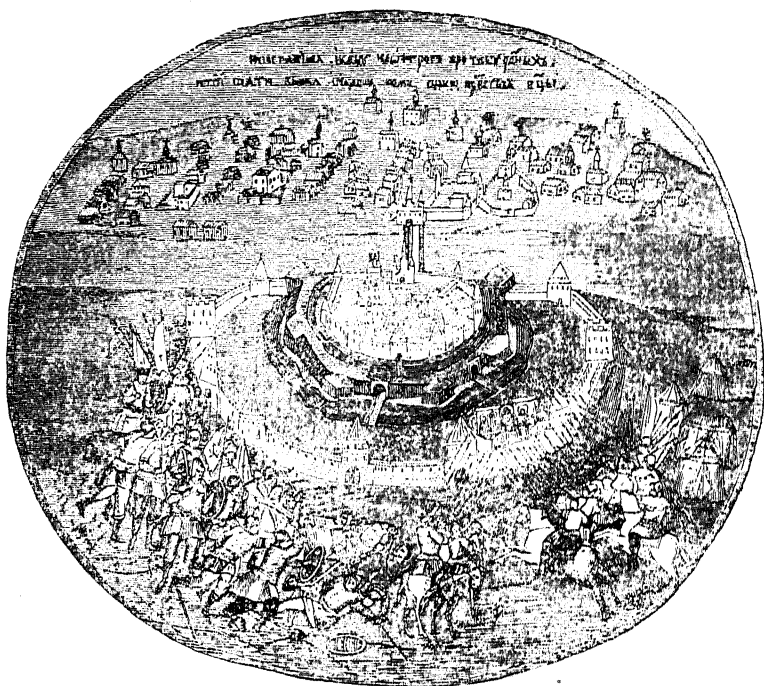
Вышгорода; ступайте всѣ въ Смоленскъ и дѣлитесь тамъ, какъ знаете“. Въ другой разъ онъ говоритъ Мстиславу Храброму: „ступай въ Берладъ, не велю тебѣ быть въ Русской землѣ“. Какъ не схожи эти слова Андреевы съ тѣми, кои мы читали въ письмѣ Владиміра Мономаха къ Олегу Гориславичу. Въ первый разъ на Руси великій князь, названный отецъ для младшей братіи, обращался такъ съ своими родичами. Эту перемѣну въ обращеніи съ особенною горечью почувствовалъ младшій изъ Ростис-

славичей Мстиславъ: онъ обрилъ голову и бороду Андрееву послу и отпустилъ его назадъ, велѣвъ сказать великому князю: „мы до сихъ поръ признавали тебя отцомъ своимъ по любви; но если ты посылаешь къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князьямъ, а какъ къ подручникамъ и простымъ людямъ, то дѣлай, что задумалъ, а насъ Богъ разсудитъ“. Такъ въ первый разъ межъ князей было произнесено новое политическое слово: „подручникъ“, то-есть впервые сдѣлана была попытка замѣнить неопредѣленные отношенія родового старшинства отношеніями обязательнаго подчиненія, политическаго подданства младшихъ князей старшему, наравнѣ съ простыми людьми. Своимъ приказомъ великій князь двигаетъ въ походы и на Кіевъ, и на Новгородъ князей рязанскихъ, черниговскихъ и смоленскихъ. Даже инородцы видятъ новую зависимость князей отъ мощной власти Владимірской державы. Такъ половцы говорятъ кіевскому князю слѣдующія выразительныя слова: „Богъ посадилъ ты и князь Андрей на отчинѣ и дѣдинѣ въ Кіевѣ“.

Если таковы были отношенія Андрея Боголюбскаго къ князьямъ — родичамъ, то понятно, каковы должны быть его отношенія къ дружинѣ.

Дружина въ кіевскій періодъ Руси имѣла большое значеніе. Князья держали ее въ чести и довольствѣ. Они говорили обыкновенно, что нѣчего для дружины жалѣть золота и серебра, за золото и серебро не пріобрѣтешь доброй дружины, а съ доброй дружиной дабудешь и золота и серебра. Съ старшей дружиной, — знатными мужами или боярами князья думу думали или совѣтовались по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ. При слабыхъ князьяхъ дружина брала такую силу, что дружинники, когда князь рѣшалъ что-либо безъ нея, говорили: „о собѣ еси замыслилъ, княже, не идемъ съ тобою“... Стре-

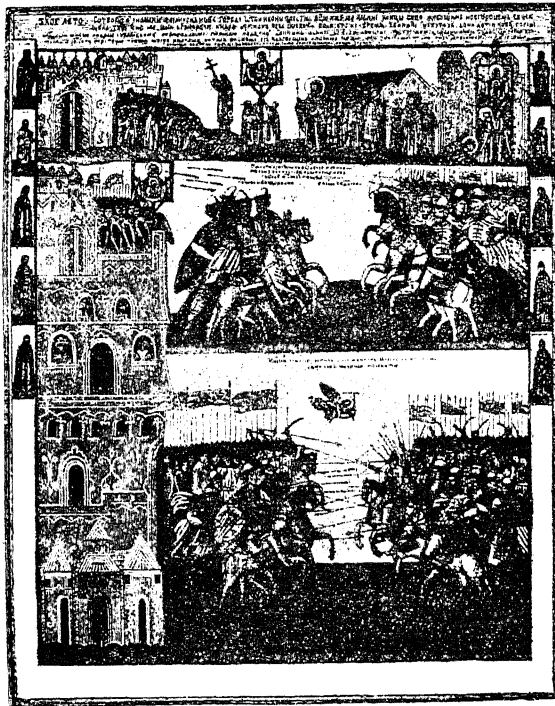
мившійся къ сильной, и неограниченной власти Андрей Боголюбскій иначе, чѣмъ на югѣ, сталъ относиться къ дружинѣ. Онъ выгнать старыхъ отцовскихъ бояръ,—мужей отца переднихъ, какъ выражается лѣтопись. И сдѣлалъ онъ это потому, что желалъ, по выраженію лѣтописи, быть самовластцемъ въ Суздальской землѣ. Въ новую свою дружину онъ набиралъ людей незнатныхъ и даже инородческаго происхожденія.

Осада Новгорода Боголюбскимъ. Съ древней иконы.

Не любилъ онъ и старинныхъ вѣчевыхъ городовъ Ростова и Суздаля: онъ самъ не жилъ въ нихъ и все время держалъ въ черномъ тѣлѣ и тѣснилъ Новгородъ, вѣче котораго заключало съ князьями ряды или договоры—править у новгородцевъ на полной ихъ волѣ и изгоняло ихъ отъ себя. Правда, онъ не уничтожилъ въ Новгородѣ вѣча, что сдѣлалъ впоследствии Іоаннъ III, но онъ

заставлялъ его слушаться своей воли. Однажды онъ велѣлъ сказать новгородцамъ: „знать бы Новгороду, буду его искать добромъ или лихомъ“. Его большой походъ на Новгородъ и его осада были неудачны, но онъ училъ Новгородъ повиновенію, задерживая подвозъ къ нему хлѣба, и опустошалъ его землю. Онъ сажалъ туда, какъ и въ Кіевъ, князей отъ своей руки и смѣнялъ тамъ ему

Суздальцы и новгородцы, съ древней иконы.

неудобныхъ. Когда новгородцы принудили князя Святослава покинуть Новгородъ, Андрей Боголюбскій посылалъ имъ сказать: „не будетъ вамъ другого князя, кромѣ Святослава“, и новгородцы должны были принимать только тѣхъ князей, какіе были ему угодны.

Андрей Боголюбскій свою столицу Владиміръ Залѣсскій старался обстроить какъ Кіевъ, и сдѣлать ее самымъ

виднымъ во всей Руси градомъ. По примѣру Владиміра Святого, онъ строить въ своемъ стольномъ городѣ Десятинную церковь, отдавъ на ея содержаніе десятину изъ своихъ доходовъ. Это—великолѣпный Успенскій

Золотыя ворота.

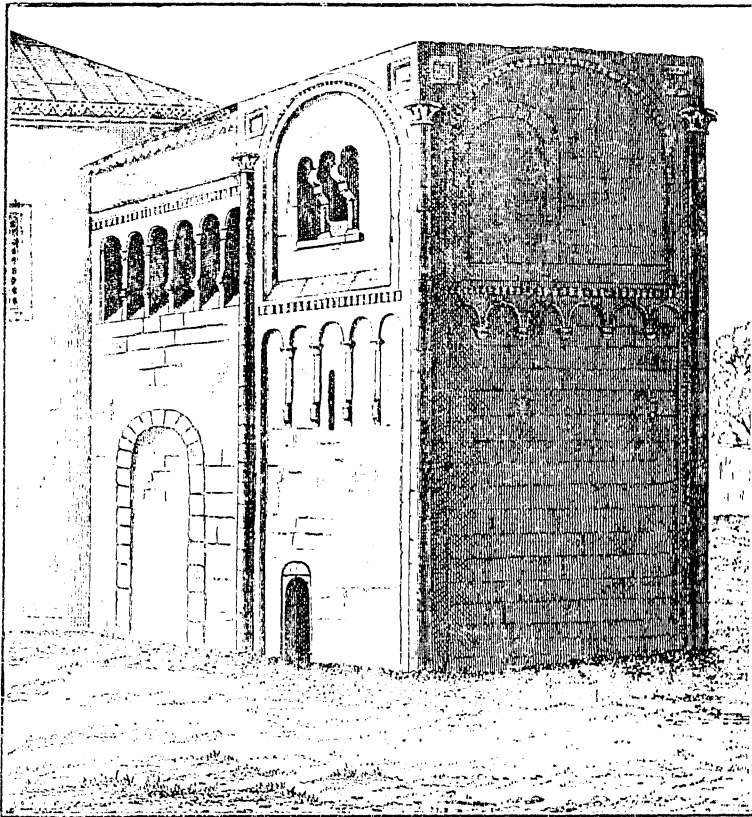
Соборъ, по образцу котораго былъ построенъ и нашъ Московскій Успенскій Соборъ. Въ этомъ храмѣ была поставлена икона Богоматери, привезенная изъ Вышгорода. Риза ея отличалась невиданнымъ великолѣпіемъ: кромѣ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней на ея окладѣ

пошло 30 гривенъ или фунтовъ золота. Трое алтарныхъ дверей собора были окованы чистымъ золотомъ и украшены драгоценными камнями. Паникадила были золотыя и серебряныя. Жемчугу и драгоценныхъ камней въ храмѣ было неисчислимо. По примѣру Ярослава Мудраго, онъ построилъ во Владимірѣ Золотыя ворота, съ храмомъ надъ ними, покрытымъ золотою крышей. Но кромѣ того, построены были имъ еще и Серебряныя ворота, которыя вели въ великолѣпно обстроенный Боголюбевъ. Для этихъ и многихъ другихъ построекъ Андрей сзывалъ плотниковъ, каменщиковъ, ювелировъ и живописцевъ, не только изъ всей Руси, но даже и изъ-за границы, какъ напр. изъ Италіи. Въ Боголюбевѣ изъ такихъ мастеровъ образовалась цѣлая слобода: тутъ были мастера по золотому и серебряному дѣлу, по обдѣлкѣ драгоценныхъ камней и жемчуга, по иконописи и росписанію палатъ всякимъ узорочьемъ: суздальское искусство соперничало съ тогдашнимъ западно-европейскимъ искусствомъ и, конечно, было совѣмъ не тѣмъ, какимъ мы его видимъ теперь у суздальскихъ кустарей. При постройкѣ въ Ростовѣ каменнаго собора были открыты мощи просвѣтившихъ христіанствомъ Суздальскую землю епископовъ Леонтія, Исаи и Авраамія *).

Самъ Андрей Боголюбскій очень заботился объ обращеніи въ христіанство евреевъ (хазарь) и магометанъ (болгарь). Противъ болгаръ камскихъ онъ снарядилъ походъ и ему придалъ характеръ религіозный: вмѣстѣ съ его войскомъ крестнымъ ходомъ шло и духовенство, неся икону Владимірской Богоматери. Главная побѣда надъ магометанами или агаринами одержана была Андреемъ Боголюбскимъ 1 августа. Онъ далъ знать объ этой по-

*) Теперь, говорилъ Андрей Боголюбскій, я ничѣмъ не охужденъ предъ другими князьями.

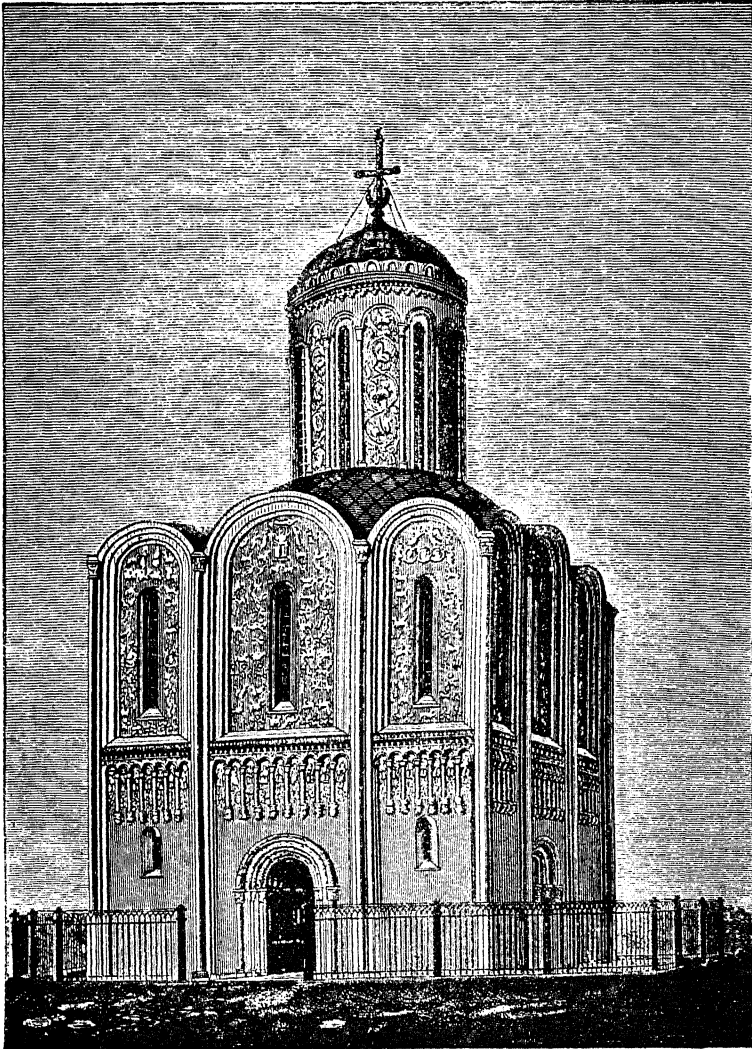
бѣдѣ Византійскому императору и патріарху; и такъ какъ въ этотъ же день и греки одержали побѣду надъ магометанами, то былъ установленъ во всей Греко-восточной церкви особый праздникъ въ этотъ день Всемилостиваго Спаса. Имѣя частыя сношенія съ Цареградомъ, Андрей задумалъ учредить во Владимірѣ митро-

Палаты Андрея Боголюбого.

полію; онъ сказалъ: „хочу сей градъ обновить митрополіей, да будетъ Владиміръ—великое княженіе и глава всѣмъ“. Такъ какъ въ Кіевѣ былъ издавна митрополитъ всероссійскій, то патріархъ Константинопольскій Лука Хризвергъ въ грамотѣ своей заявилъ, что „граду Владиміру—митрополіей быть не мощно есть“.

Андрей Боголюбскій былъ убитъ въ Боголюбовѣ въ 1174 году своими дружинниками, во главѣ которыхъ стояли Акимъ и Петръ Кучковичи и ключникъ Анбалъ.

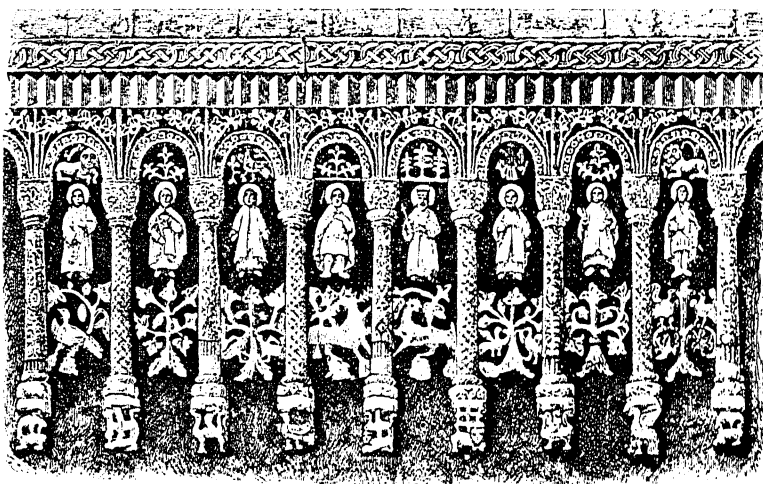
Дмитріевскій Соборъ.

Они, въ виду того, что одинъ изъ Кучковичей былъ казнень, ожидая и себѣ казни, ночью предательски

напали на князя и убили его. Предъ этимъ злодѣянiемъ и послѣ него они пьянствовали въ княжей медушѣ и предавались грабежамъ и всяческимъ безчинствамъ.

Но со смертью Андрея Боголюбскаго не умерла идея единой державы Руси: она, какъ великое государственное преданiе и сила, уже не могла не развиваться далѣе.

Братъ его Всеволодъ III Юрьевичъ, по прозванiю Большое Гнѣздо (1176—1212), въ духѣ Андрея Боголюбскаго поработалъ въ пользу установленiя на Руси могущественной велико-княжеской власти. „Слово о

Рѣзной поясъ Дмитріевскаго Собора.

полку Игоревѣ“, обращаясь къ этому знаменитому сѣверно-русскому князю говорить: „ты можешь Волгу веслами раскропить, а Донъ шеломами вычерпать“. Онъ былъ вѣдомъ на западѣ такому императору, какъ герой крестоваго похода Фридрихъ Барбаруса. Среди всѣхъ другихъ князей, онъ оставался внѣ всякихъ распрей и отъ того былъ силенъ. Рязань онъ подчинилъ себѣ, пользуясь раздорами ея князей. Владѣя чрезъ племянника южнымъ Переяславлемъ, господствовалъ надъ князьями кiевскими; имѣлъ большое влiянiе на Червонно-

русскій Галичъ; ставилъ князей Новгороду Великому и уважался даже Ольговичами. Имѣя такимъ образомъ все-россійское значеніе, онъ, какъ хорошій вотчинникъ—хозяинъ обстраивалъ свою Суздальскую землю. Онъ памятенъ здѣсь основаніемъ Нижняго Новгорода при впаденіи Оки въ Волгу и знаменитъ построеннымъ во Владимірѣ великолѣпнымъ Дмитріевскимъ соборомъ, не уступающимъ по изяществу и великолѣпной отдѣлкѣ лучшимъ храмамъ запада XII вѣка.

Черезъ его сына Ярослава Всеволодовича политическія преданія его и его брата перешли къ его сыну Александру Ярославичу Невскому, а отъ его сына Данила Александровича пошелъ родъ Московскихъ князей—собирателей Руси...

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стр.

Ч т е н і е I.

Смерть Св. Бориса и Гліба.—Борьба Ярослава съ Святополкомъ Окаяннымъ и Мстиславомъ.—Единодержавное правленіе Ярослава: строеніе городовъ и храмовъ; его заботы о книжномъ и школьномъ просвѣщеніи Руси; „Русская Правда“, брачные союзы его семьи съ европейскими государями.—Смерть Ярослава Мудраго и его завѣщаніе сыновьямъ.. 1

Ч т е н і е II.

Сыновья и внуки Ярослава Мудраго.—Съѣзды князей въ Любечѣ, Игнатьевѣ и Долобскѣ.—Владиміръ Мономахъ, какъ образецъ южно-русскихъ князей; его „Поученіе дѣтямъ“.—Песторъ.—Лѣтописецъ..... 19

Ч т е н і е III.

Суздальское княжество и великій князь Юрій Долгорукій; его борьба за Кіевскій престолъ; заботы его о Суздальской землѣ; построенныя имъ здѣсь города и основаніе Москвы.—Андрей Боголюбскій, какъ представитель новаго великорусскаго періода нашей исторіи; его единодержавныя и самодержавныя стремленія.—Всеволодь III..... 45

Въ книгѣ 35 рисунковъ, 3 снимка съ древнихъ рукописей, 3 заставки съ Кіево-Софійской стѣлони и 3 заглавныхъ буквы съ рукописей XI, XII и XIII вѣковъ.
